

Сергей ЕРОФЕЕВ

АКТ веры

**Новокузнецк
2011**

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей ЕРОФЕЕВ

АКТ веры

Повесть

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Е 78

Ерофеев, Сергей Сергеевич

Акт веры : Повесть / Сергей Ерофеев ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 80 с. : портр.

©Ерофеев С. С., 2011

На первой странице обложки – фотография индейца навахо в ритуальной маске. Сделана выдающимся американским фотографом Эдвардом Шериффом Куртисом (Edward Sheriff Curtis) (1868-1952) в 1904 году.

Ослепительное пространство судеб человеческих

Вы любите фантастику? А реальную фантастику?

Значит Вы на верном пути. В Ваших руках книга Сергея Ерофеева «Акт веры». Что может быть более реальным, чем история трепетной Эулалии и прошедшего все этажи преисподней Уно.

Не торопитесь! Читайте с наслаждением. Вам нет необходимости открывать словари, учебники истории, чтобы сверить временное соответствие действия повести о двух сердцах с веками, ушедшими в Лету. Автор словно погружает вас во времена, когда громадные галеоны бороздили моря и океаны. «Санта-Моника», вынырнув из глубины прошлых столетий, несет вас по извилинам души человеческой. Вы становитесь частью действия.

Повесть «Акт веры» – не лёгкое чтение, не детектив, понятный с первых строк, у неё не «амурный» сюжет. В ней столько ступеней смысла, что, перечитывая, Вы обнаружите новые и новые нюансы. Верхние слои облаков сюжета скрывают под собой ослепительное пространство судеб человеческих, где есть место ущельям зла, поросшим корявыми стволами душ. Ощетинившиеся горные пики гнева и беды переходят в роскошные долины добра. Тенистые, прохладные рощи дают начало живительным родникам с чистой, незамутнённой водой. На лугах цветут простые, как сама жизнь, цветы: нежные, изящные васильки, звонкие колокольчики, а по весне расцветают красные маки...

Вы любите красное?

Все любят красное, но не все в этом признаются самим себе.

Красное – это жизнь: рождение и смерть, любовь и ненависть, умение прощать и помнить зло.

А «...иногда нужно просто, просто верить, идти и верить!..» Вот тогда у Вас всё получится в жизни, любви, в вечном стремлении человека к познанию.

Людмила ТАНКОВА,
член Союза журналистов,
редактор газеты «Горняцкая солидарность»

От автора

Уважаемый читатель, друг!

Если Вы пробегаете взглядом эти строки, значит, всего вероятнее, пребываете в раздумьях, зря или не зря были потрачены калории на то, чтобы взять эту книжку с полки в магазине или же библиотеке.

Я, со своей стороны, надеюсь, что всё-таки калории эти были потрачены не впустую, а поскольку Вы в книжном магазине или библиотеке оказались да ещё и выбрали из всего многообразия предложений тоненькую книжку кузбасского автора, о котором никогда ранее не слышали, и при этом, действительно, читаете эти строки, поверьте, Вы мне уже глубоко симпатичны. А с симпатичными людьми надо знакомиться сразу.

Посему – позвольте представиться. Меня зовут Сергей Сергеевич Ерофеев, и родился я в дважды орденоносном городе Новокузнецке, где и проживаю до настоящего времени, трудясь во славу большой и малой Родины на преподавательской ниве. Если Вы, друг мой, родом из не менее именитого шахтерского Киселёвска, мы также земляки – четыре года из своего детства я прожил с Вами бок о бок, разъезжал на тех же ЛиАЗах и мёрз на остановке у обувной фабрики. Ну, а если Вы из какого-нибудь другого местечка на просторах России, то – честно говоря, удивлён, что книжка эта попала к Вам в руки, – и в этом случае примите поклон и приветствие.

Должен оговориться сразу, если Вы рассчитываете на лёгкое чтение – даже не надейтесь. Лучше потратьте ещё несколько калорий и поставьте книжку обратно. В содержащемся в ней тексте далеко не один уровень смысла, и если уж рискнёте её прочесть, чтобы не потерять время впустую, разбирайтесь до мельчайших нюансов.

Предложения, обычно используемые мною, также могут показаться излишне громоздкими, поэтому искренне советую читать медленно. Попробуйте представить, с какой скоростью они писались, постепенно, между знаками, с той же скоростью их надо прочитывать... – прямо совет из «Английского пациента» по поводу Киплинга. В тексте присутствует великое множество исторических ссылок, и чтобы часть их не казалась полнейшим бредом, на последних страницах приведены «Авторские примечания», на которые также настоятельно обращаю Ваше внимание.

На кого всё это рассчитано? Хороший вопрос. Постараюсь ответить на него вкратце... Я работаю для людей, которые устали от новомодной пустой литературы, – смысловую нагрузку я гарантирую, – для людей, которые в детстве верили в Деда Мороза и прочие надъестественные силы, тех, кто зачитывался Стивенсоном и Сабатини, коротал вечера с Хейердалом и Дроздовым, учился читать по Зикмунду и Ганзелке, кто по три раза на день бегал к «ящику» посмотреть, не пришел ли «Вокруг света», и внимал каждому слову Сенкевича, прильнув к «голубому экрану», надеясь, что мир велик и белых пятен хватит на всех... Или, по крайней мере, хватит на всех нас...

Так что, если Вы когда-нибудь втайне желали, попыхивая трубкой, идти на абордаж или отыскать легендарный источник вечной жизни, схлестнувшись со злыми «дядями», а ныне цинично посмеиваетесь над этими романтическими бреднями, но сами, где-то в глубине души, осознаёте, что отдали бы всё, чтобы это оказалось правдой, – я работаю для Вас. Во всяком случае, и романтики, и цинизма на этих страницах предостаточно.

Литература ли это? Трудно сказать. Стиль повествования, на мой привередливый взгляд, ближе к публицистическому. И скажу без обиняков, мои тексты мне нравятся, и то, над чем я работаю, а я не столько пишу, ибо не графоман, сколько работаю над написанным, правлю до тех пор, пока мне самому прочтение не начнет доставлять удовольствие. Хотелось бы, чтобы удовольствие от этой книжки получили и Вы, если конечно я ещё не отговорил Вас потратить на неё время и силы.

Как бы то ни было, выбор только за Вами.

Еще не поставили книжку на полку? Тогда не прощаюсь, встретимся на следующей странице.

Сергей Ерофеев

«Красное... Всё – в красное! Вы любите красное?..»
Виталий, друг, как и следует из твоего имени, ты пришёл в мир, чтобы дарить жизнь. Некогда произнесённой в стенах университета фразой о красном ты подарил её этой книге.

Автор

Всем моим призракам в облаках
невесомого шифона...

Автор

Часть первая

Одни лишь Создательница и
Творец, Тепеу и Кукумац,
Великая мать и Великий отец
находились в бесконечных водах.

Пополь Вух

1

– Красное... Всё – в красное! Вы любите красное? – Уно повернулся вполоборота, но, так и не дождавшись ответа, лишь отсалютовал холёной кистью с зажатым в ней куском холодной тушёной курицы и не спеша вернулся к трапезе. – Да ну Вас... Я ей про рассветы толкую, про красоты Архипелага, про достоинства этих вот кур её покойного батюшки, – он ухмыльнулся в тонкие усы, – может, Вам просто красное не по нутру, – ну так сказали бы... Эй! – крикнул Уно через плечо в направлении безмолвной фигурки, и звук его голоса, казалось, бильярдным шаром прокатился по доскам палубы. – Вы там, часом, не уснули? Нет? – уголок рта внезапно взвился вверх. – А, может, Вы просто боитесь меня?!

Однозначное предположение повисло в воздухе напряжённым сгустком цвета мякоти чернослива. Напряжение нарастало, нарастало красным, прирастало щемящей тишиной, отвергающей шорох волн внизу, полуживые вздохи такелажа, и, казалось, мерное жевание небритых челюстей, возобновившееся в шевелящемся мозге, впрыскивало и впрыскивало новую кровь в окуляры крупных миндалевидных девичьих глаз.

– А мне следует бояться Вас, сеньор? – по самой границе тишины пробежал её сдавленный, но целеустремленный и почти долгожданный вопрос. Уно понял, что целью вопроса был он. – Я считала Вас настоящим идальго...

Раздался приглушённый металлический всхлип; она вздрогнула, он перестал жевать. «Санта-Моника», громадный восьмидесятидвух- или восьмидесятичетырёхпушечный галеон Его католического Величества

утробно и резко вздохнул где-то в самой глубине, где-то под тремя поясами орудийных палуб, прямо во мраке своего бездонного чрева, выплюнул что-то вроде пьяного, полубредового, нечленораздельного бормотания и вновь затих, покачиваясь на мелких зыбучих волнах моря предрасветного тумана.

Уно сплюнул и расхохотался резко, пронзительно, и сложно сказать, над чем именно. Бросив остатки куриной ножки на расстеленную им по доскам вроде импровизированной скатерти карту Архипелага и вытерев пальцы об ее край, он встал и мерно зашагал по шканцам, бабочкой перемахнув по пути через обезглавленный труп третьего помощника капитана. Зашагал к ней, маленькой фигурке в платье, которому надлежало быть белым и воздушным и которое, тем не менее, было мятым и перепачканным грязью. К ней, скорчившейся и завернувшейся в рыжий плед у левого фальшборта. К ней, её целеустремленно-сдавленному голосу, миндалевидным глазам и маленькому сердцу, вбрасывающему в мозг всё новые и новые порции красной-красной крови. К ней... Больше – не к кому. Подойдя, он помешкал, не ожидая, насколько он больше и старше, а помешкав, присел на корточки.

– Идальго? – скрипнули сапоги. – Какое смешное слово.

Уно сказал, и всё вокруг засмеялось, захихикало, заржало, как породистый скакун, заблеяло, как подстреленный армейский мерин. Это «всё» было сознанием, отмежевавшимся от невымытых рук, непроницаемых черт, тонких усов и смешного слова. Но два поглощавших девушку куска дроблёного льда не смеялись, не ржали и не хихикали... Они не понимали, они спрашивали губами её: «Почему Вы, милочка, применяете это смешное, нелепое слово ко мне?»

Ответ был глуп и абсурден, как сама жизнь, поэтому его следовало предвидеть, следовало почувствовать в наплывающем эфире, потоках магнитного флюида, буре смущённых подёргиваний её ресниц.

– Отчего же мне не применять его к Вам? Разве не Вы зарубили тех двух матросов, дон Херардо?..

Он ли это был? Да, это действительно был он, и он помедлил, словно прикидывая ответ, инстинктивно переместил внимание куда-то вправо, потом вверх, к завораживающе-сложной паутине тросов и вантов, наконец, внутрь своего существа, и... видимо, решил не отвечать. Слова, которые он всё-таки решил сказать, а он был старше и потому решил сказать правду, были следующими – глупыми, обидными, циничными и правдивыми словами:

– Я отнюдь не так благороден, как Вы полагаете, – прищур его медленно заскользил по поверхности волн шёлка, который ещё недавно был белым. – Просто я всегда сочувствовал инвалидам.

Эулалия бросила из-под самых век тяжёлый недвусмысленный взгляд. Сложно было не понять, кого он имел в виду. Уно повел подбородком и вновь издевательски засмеялся.

– Нечего так на меня смотреть, девочка. Я не просто, я совсем не идалго, и мне начхать на то, к чему Вы там привыкли, – он легко перебрал в пальцах бриллиантовый подвесок её левого уха, заглядывая в глубокие омуты зрачков, – и кто бы там ни был Ваш покойный папаша – вице-король Перу, губернатор Веракруса, генерал-губернатор Панамы, – находя и выговаривая по-испански сложносочинённые должности, Уно явно издевался. – Мне это совершенно... безразлично, – он сглотнул что-то внезапно подступившее и продолжил. – *C'est la vie*, как говорят лягушатники... И оставьте свои рафинированные ужимки.

Магнитосфера дрогнула. Дрогнула и взвыла желчью в желудке, выплеснулась по пищеводу в атмосферу и, дав круг над морем тумана, вернулась вниз, к грязным доскам, к ней и к нему, к двум корпусулам на лице изгаженной палубы.

– Вы ведете себя недопустимо, дон Херардо, – прозвучал надтреснутым колоколом её голос, вызвав перелив колокольчиков:

– Недопустимо? – Уно опешил, расхохотался. – Недопустимо!.. – передразнил он, судорожно хлопнув ладонями о голенища сапог, начинающие отливать... нет, не красным, – розовым. Звук получился неожиданным и отвесляющим. Уно встал, нависая над Эулалией непомерной тяжестью. – Недопустимо то, что Я тебе Выкаю, детка. Я же говорил, – продолжил он уже спокойнее, – я – не идалго. Какое идиотское слово! Забудь его раз и навсегда, нет этого в жизни, нет таких понятий, и все мы скоты: и я, и ты... – Уно замолк на секунду, длившуюся недопустимо долго. – Да, и если ты еще не заметила, мы с тобой не гуляем под ручку по Аламеде...

Он посмотрел на неё, в начинающие сочиться слезами обиды солёные ключи и обречённо махнул рукой.

– Ты всё равно не знаешь, где это... Мы, если твое превосходительство желает знать, – он дернул руками в стороны, – в открытом море, на этой чёртовой посудине!..

Он указал пальцем в палубу:

– И, между прочим, если разобраться здраво, по вине твоего, милочка, батюшки, покойничка... – он смолк, деланно хохотнул и сбавил тон до дружелюбного. – Кстати, в словах «дон Херардо», милая моя, ты допустила три ошибки, две из них очевидны, третья заключается в том, что я не испанец...

– Невозможно, – надломленно, стараясь не всхлипывать и не дрожать, произнесла Эулалия. – Каталонский акцент выдаёт Вас...

– Я долго жил в Барселоне, – резко отвечив Уно, отворачиваясь. Обопрясь ладонями о позолоту фальшборта, он плюнул вниз в тёмную, серо-свинцовую, едва различимую воду. Глубокая вода, бездонная и безмолвная юдоль тревожной печали, тянула к себе, медленно, но неумно прокладывая путь внутрь, к словам, действиям и поступкам; вода, старая как мир, вода, старая как он сам, как вода, в дубовых бочках

трюма этой «посудины». Вода звала его прочь, и... она права. А «посудина» хороша, настоящая плавучая крепость, просто Горный форт с парусами; была бы у него такая в 54-м, то-то получилась бы каша... И цвет недурён... красный цвет...

– Но Вы явно – южанин, – прозвучало за спиной, и бастионы Горного форта поблёлки перед мысленным взором.

– Что?.. – обернулся Уно.

– Вы, явно, южанин, – повторила, точнее, вновь пробормотала Эулалия, медленно, нарочито размеренно, стараясь не всхлипывать и не вытирать тяжелеющие от влаги ресницы, – точно европеец... Наверное, Вы итальянец, сеньор?..

То ли в слове «сеньор» было что-то не так, то ли в самом вопросе был замечен подвох, но её попытка установить хоть какие-то разумные отношения с ним, этим странным субъектом, которого ещё вчера держали в клетке на шейной цепи, не увенчалась успехом. Жалкая попытка...

– Сказано тебе, нет, – резко выдохнул Уно. – Итальянец, европеец?! Ты, что, много их видела? Ты специалист? Может, ты агент... из Интеллидгент сервис? Или медик из Болоньи? Они там точно по-аристотелевски отличают итальянца от козы! А? Да, и впрямь, наверное, ты магистр медицины? В юбке... – давился он. От показной веселости не осталось и следа. Слезы, выдавливаемые ударами сердца, потекли по бархату смуглых щёк... Он вновь подошёл к ней, вновь присел на корточки, наклонил голову, чтобы поймать своё ускользящее отражение и медленно, сперва натужно, а затем всё более резко, стал говорить.

– Не реви. Я зол, – он даже помолчал. – Я очень зол. Но не на тебя, – говорил он в эти длинные чёрные трепетные ресницы. – Ты для меня ничего не значишь, – Уно коснулся верблюжьего пледа, отбросил его край в сторону, дотронулся до её шеи, провёл пальцами по вздувшейся синью ключице и левой груди в оправе шёлкового лифа. Почувствовав, как она в страхе вжимается в фальшборт, он отдёрнул руку. – У тебя нет ничего для меня нового и потому интересного, девочка, и тебе нечего меня бояться до тех пор, конечно, – голос его огрубел металлом, – пока ты меня не раздражаешь.

– А если ты будешь реветь, – со вздохом попытожил он в расширившиеся зрачки, – мне это начнёт надоедать. А если мне это начнёт надоедать, – продолжал формулировать он, – я вставлю этот пистолет, – он дотронулся до слоновой рукояти одного из двух своих пистолетов, щерившейся ликом какого-то фараона, – тебе в глаз, и тогда твой мир окрасится в мой любимый цвет. – Рубиновые очи фараона были темны. – Тебе ясно? – спросил он вкрадчиво.

Она не отвечала.

– Ну, хоть кивни, – промолвил Уно. Эулалия кивнула.

– Прекрасно. Это первое. Второе, я хочу, чтобы ты уяснила: ты освободила меня, я убил тех матросов, что лезли тебе под юбки. Я тебе

ничего не должен, но поскольку, как я уже говорил, сочувствую инвалидам, собираюсь, уходя, забрать тебя отсюда. Тебе ясно?

Эулалия вновь кивнула.

– Превосходно. Но если ты будешь меня злить, я оставлю тебя здесь, пристрелив, чтобы не мучилась, – он подумал, потом продолжил. – А могу и не пристрелить, и тогда ты будешь жрать их. Помнишь их?

Глаза её наполнились животным ужасом и закатились.

– Хотя, – он окинул её взглядом, – ты не будешь. Ты просто сдохнешь с голоду... Или они сожрут тебя.

2

Она была хороша. Чудо, как хороша. Тёмные волосы, смуглая бархатистая кожа, глубокие серые глаза. Уно смотрел на неё, и ему казалось, что где-то, когда-то раньше, очень-очень давно, он её уже видел, заглядывал в эти зрачки, в эти озёра, большие и миндалевидные. Он смотрел на неё и чем дольше смотрел, тем большее чувство отторжения и неприязни ощущал где-то внутри своей желчи. Где-то там, в этой глубине, в тёмной и тихой воде, где-то в самой утробе его просыпалось безудержное желание... Желание от неё избавиться. Это явно одна из тех овечек, что рушат все планы. Какие конкретно планы – он затруднился бы сказать, но что рушат... Отчего-то он был абсолютно в этом уверен. Уно занес руку, и... от пары-тройки пощёчин Эулалия очнулась.

– Нам пора, детка, – бросил он в непроглядные зрачки. – Ночью я определил координаты, мы дрейфуем милях в пятидесяти от форта Майами, и чем дальше мы здесь, тем сложнее будет добраться до берега. Туман рассеется, и уходим.

Она проморгалась, пристально поглядела в его лицо. Взгляд пробежал вниз, к самым подошвам сапог и дереву палубы, потом вверх, сорвавшись над головой в разгорающееся пламя восхода, вернулся и уткнулся ему в переносицу.

– Кто Вы?

Небритые челюсти скрежетнули, уголки усов поплыли вниз, тонкие пальцы потянулись к белому лику с рубиновыми очами.

– Стойте! – спохватившись, вскричала Эулалия. – Я помню... я всё помню, – проямлила она сорвавшимся громким шёпотом. – Но мне надо знать, – увещевала она, – кто Вы и почему нам надо идти... Пожалуйста, сеньор... я прошу Вас, во имя всего святого...

Он крутанулся на каблуках, прикидывая. Жаль, жаль её, инфантильную дурочку, тем более, с ней куда как сподручнее. Восход разрастался на горизонте, растворяя и размывая тусклую серость предутреннего неба, окрашивая море белёсого тумана кондитерским алым. Туман рассеется скоро. Если вспомнить трактат одного итальянского умника, нужно, чтобы боялись и уважали, тогда дело пойдет много лучше. Pourquoi pas? Уно решил последовать совету.

– Значит, кто я и почему надо идти? – он снисходительно хмыкнул.

– Да, сеньор, – подтвердила Эулалия.

– Хорошо. Я постараюсь ответить на твои вопросы, девочка; разберёмся и идём, если ты, конечно, не желаешь остаться...

Пальцы сами собою вновь огладили слоновый лик.

– Шучу, – пресёк он зарождающуюся реплику резким жестом. – Идти нам надо просто потому, что... – он помолчал секунду. – Ты помнишь, милая, когда мы отплыли, сколько здесь было народу?.. Кивни, если помнишь!

– Я помню, сеньор, – кивнула Эулалия, сопроводив движение репликой.

– Для чего они были здесь? – поинтересовался Уно.

Эулалия секунду подумала, успокаиваясь.

– Полагаю, чтобы управлять кораблём, сеньор...

– Умница! – съязвил Уно. – В основном, именно так. А скольких людей ты видишь перед собой?.. – Она молчала, вновь начиная осознавать всю картину происходящего. – Не падай опять в обморок. Скольких, я тебя спрашиваю?

– Только Вас, сеньор, – пробормотала Эулалия.

– Одну неясность исключили? – Не дожидаясь подтверждения, Уно продолжил. – Что касается другой. Я точно не испанец, не итальянец и не европеец.

– Вы служили французской короне?! – полуутвердительно пробормотала Эулалия. Уно удивлённо полуобернулся и, спустя мгновение, продолжил, уже её мысль... – но я не француз. Я ближе, наверное... к аравиетянам, что ли...

– Магометанин? – вжалась она в фальшборт.

Он взглянул на неё, но раздумчиво, словно верный подбор слов был важен для него самого.

– Я бы не сказал... – промолвил Уно, и, наконец, подытожил. – Моего народа, как бы то ни было, более нет и нет уже давно.

– Вы вините в этом нас... – утвердительно прошептала со страхом Эулалия.

Он помолчал, собираясь со словами, наконец, ответил:

– Да, но это вовсе не то, о чем ты подумала...

Уно сплюнул, и наступила глухая, сырая и томительная тишина, едва нарушаемая каким-то поскрипыванием и дыханием алеющего тумана.

– Как же мне Вас называть? – нарушила Эулалия молчание. – Как Вас зовут?

Это был хороший вопрос. Превосходный. Превосходный потому, что Уно и сам дорого бы отдал, чтобы ответить на него. Он не помнил... Нет, не помнил. Нет, он, конечно, помнил несколько десятков своих имен, однако все они были лишь плодом его собственного воображения, собственной фантазии...

– Как же можно забыть своё имя? – спросила Эулалия и, так и не дождавшись ответа, в буре смятения, всё же прорвавшей плотину страха и непонимания, срывающимся голосом выпалила:

– Как же Вас понимать? Я называю Вас «сеньор», Вам это не нравится, имя своё Вы мне тоже не называете... Мне-то что прикажете делать? Как будто я опять во всём виновата... Что я Вам сделала? – она сорвалась на плач. – Я не понимаю... Что мне делать?

Уно уставился на неё, казалось, с изумлением. Что за глупое создание? Что значит, «что ей надлежит делать»? Всё ясно, всё логически предопределено, весь ход её поступков должен быть подчинен факту самого его здесь присутствия.

– Только то, что я тебе говорю, – выдал он. – Да, я не помню, – он помолчал. – И не надо так на меня смотреть – я не ненормальный! Просто я не помню, девочка... И мне это кажется совершенно очевидным. Вот ты, к примеру, – ты можешь вспомнить себя в возрасте, скажем, семи лет?

– Да, и довольно отчетливо, сеньор, – был ответ, нотки которого его насторожили.

– Прекрасно. Это потому, что ты молода, а я стар.

– Что значит: Вы стары, сеньор? – тихо и как-то заискивающе спросила Эулалия. – Вам, видимо, не более тридцати пяти-сорока?

– Я гораздо старше, – почти снисходительно ухмыльнулся Уно её несообразительности, – чем может тебе показаться, дорогуша! И если пораскинешь мозгами, поймёшь, почему!

Повременив, он приблизился к ней на расстояние шага.

– Что, назвать тебе имя? – спросил Уно у веера ресниц, длинных, как сама его жизнь, – ну что ж! *Faisons connaissance!* Признаться, честь по чести, я успел сменить немало имен, – он хмыкнул, – но, опять же, есть любимые. Можешь звать меня Уно, – подытожил он, наконец.

Эулалия взглянула на него снизу вверх.

– Что за странное имя? – словно подумала она вслух и осеклась, увидев, как Уно недобро повёл подбородком.

– Тебе объяснить? – с явным намёком спросил он. – Нет, ты, правда, этого хочешь? – По её виду он бы этого никак не сказал. – Что, твоё благозвучнее? – начал заводиться он.

Эулалия молчала.

– А ну-ка, назовись? – продолжал Уно. – Что примолкла? Как тебя величать, твое превосходительство... Давай, давай, что-то не припоминаю – Аврора, Аурелия...

– Меня зовут, – девушка вдруг вскинула голову, – донна Эулалия де Мендоса да Сильва и Пер...

– Достаточно! – оборвал её Уно звонкой пощёчиной. – Достаточно, Эулалия. Этого достаточно. Изошрённые фамилии и титулы меня утомляют... – подкрепил он оплеуху словами. – Я бы даже сказал,

раздражают. Ну, будем знакомы. А ты, однако, горячка! – протянул он. – Что я говорил про слёзы?!

– За что? – в голос плакала Эулалия. – За что Вы так ненавидите меня?.. За что?..

– За то, что ты истинная дочь своего отца! – выпалил Уно. – Кто бы он там ни был, а фамильная спесь у тебя в крови, милочка! От этого надо избавляться. Это как-то не по-христиански, – съязвил он. – И хватит лить слезы! – И рявкнул: – Довольно, я сказал!

Уно склонился над ней и резким движением откинул верблюжий плед:

– Поднимайся!

Она не стала. Словно настигнутая волной какого-то осознания, волной одурманивающей прохлады и сырости, она вцепилась острыми коготками в его кисть, пытаясь взывать к благоразумию.

– Уно, – лепетала она, а солёные ручейки меж тем сочились из серых ключей её глаз. – Уно. Вас, кажется, так зовут?.. Я всё понимаю... Вы... Вы можете меня убить... Но... Вы же офицер... – сбиваясь с мысли, пыталась достучаться она до его сознания, – французский офицер... – Он отдернул руку. – Нор... цивилизованный человек. Вы же должны понимать... Зачем, ну зачем нам уходить? Нас ведь будут искать. Этот корабль – на нём держит флаг сам вице-король! Нас не могут не искать, они поймут, что случи... – видимо сообразив, она, машинально, исправилась, – что что-то случилось....

– Да пораскинй ты мозгами, курица! – он не сразу сообразил, что орет на неё благим матом. – Они, – передразнил он её, сбавив тон, – хотел бы я знать кто... эти твои «они»... и, главное, когда? Если кто-то что-то и подумает, кто даст санкции на поиски и где они будут вестись? Всё это дело держалось в тайне, это секретная информация! Да и... На этом корабле восемьдесят орудий, включая тяжёлые, что с ним может случиться?.. – он продолжал. – Если бы мне сюда сейчас добрую команду, я, не раздумывая, вломился бы на нём в Гавану, самый укреплённый порт в Архипелаге. А если нас и найдут, что мы скажем? Может быть, правду? Хочешь? Да, давай скажем правду... и я буду болтаться на рее, а ты – гореть на костре!.. Такой вот акт веры! – ввернул он. – Хочешь? Мне, честно говоря, плевать, что будет с тобой, но мне ты pomoжешь, по своей воле или против неё...

Эулалия по-прежнему не отрывала от него молящего взгляда, но сам взгляд этот изменился и изменился в сторону недоумения.

– Правду? Какую правду, сеньор? – спросила сквозь слёзы Эулалия. Но слёзы её Уно совершенно не трогали, они его бесили. – Господи Боже, какую правду?

– Какую? – лицо его исказилось невероятной гримасой ярости. – Какую, ты спрашиваешь, правду? Ту, что ты никак не хочешь принять как данность! – он сказал так, и, вслед словам, решимость его потекла по

пищеводу из расплывающегося по черепной коробке мозга. – Ну что ж, гляди!

Рука его, сухая и жилистая, подчиняясь сиюминутному всплеску взбудораженного сознания, молнией выметнулась вперед. Ухватив всей пятернёй растрёпанные волосы девушки, рука эта вытащила, вынула Эулалию из пледа, как трюфель из коробки сладостей, и поволокла напрямик в алый рассвет. Взыв от боли и безысходности, девушка несколько мгновений пыталась ещё уцепиться за рукав Уно тонкими перстами, догнать его шаг подгибающимися, не слушающимися её воли, искалеченными ножками, но не смогла... И он протащил её добрую половину шканцов, как мешок с костями. Дошагав до ямы шкафута, он рванул её ладное тело вверх и уложил корсажем на перила: – Ну, погляди...

3

Крупные землисто-жёлтые сгустки слизи с чавканьем ударились о доски настила. Девушку рвало. Она давно уже не притрагивалась к пище, и желудок, как чулок из нижнего ящика бабушкиного комода, выворачивался наизнанку, и спазмы причиняли боль. Боль, красными мячиками отскакивающую от внутренних поверхностей зажмуренных век. Боль, тем более сильную, что Уно по-прежнему держал её за волосы, и каждый спазм, казалось, грозил ей потерей скальпа. Но бывший французский офицер, казалось, не обращал на это ни малейшего внимания. Он все так же исступленно глядел вниз на разверзшееся под ногами месиво тел, ткани, оружия и каких-то случайных предметов, использовавшихся в качестве средств нападения и защиты в ночном безумии, совершившемся здесь порядка пяти часов назад.

Он явно наслаждался. Наслаждался видом. Наслаждался своим любимым красным цветом, зрелищем испанских трупов под своими ногами. Видимо, в какой-то миг, миг, когда он в запале ненависти сделал последний шаг по пути к этой бездне, нахлынувшая волна желаний или воспоминаний, или, быть может, адских иллюзий – простых человеческих иллюзий – захватила, закабалила его. Уно шел по доскам шканцов, а видел, видел воочию, как ступает чёрными подошвами своими по кроваво-красным камням, как встаёт, протянув вперед руку над бастионами Горного форта, и показывает испанской армаде полный неприличия и превосходства жест... Вот он в рядах защитников Черепашьего острова стоит во весь рост среди крошева картечи, осколков и каких-то ошметков и скалит зубы в чудовищной ухмылке смерти... Он жаждет крови, он растворяется в пленительной картинке, сворачивается в материальную точку и проваливается куда-то вниз, вглубь, в рань. И уже бежит по берегу среди буканьеров, обнажив меч и прикрываясь маленьким круглым щитом... Вот с яростным воплем он врывается в испанский десант... Как же он их ненавидит... Как легко и как

упоительно медленно входит клинок в чьё-то, совсем не предназначенное для этого тело, обдавая его фонтаном восторга, радости и удовлетворения.

И он проваливается куда-то ещё глубже... И останавливается на опушке леса, у огромного озера, сжимая в руках чью-то отрезанную голову; он держит её за волосы, и из перехваченных жил стекает его любимый красный... Он смотрит и видит... Видит, как над озером во всю его ширь, во всю его необъятную ширь, от края до края бушует алое пламя... И внезапно, вдруг, понимание, дикое в своей простоте понимание настигает... Поглощает понимание, что всё кончено, что уже поздно, бесконечно и навсегда поздно... Он опоздал... Опоздал на миг и навсегда... Было ли это или, может быть, ещё будет, или это всего лишь иллюзии, простые человеческие иллюзии?.. Он идёт, идёт прямо сквозь пламя, и пламя обжигает его, он идёт в чёрном, смрадном, горячем воздухе, – или, может, поток воздуха сам несёт его?.. Он движется, идёт, он восходит на вершину Великой пирамиды с этой нелепой кровотокающей отрубленной головой в руке, которая почему-то дёргается и вопит, как молоденькая девчужка с искалеченными конечностями... Он стоит на вершине, и полыхающий мир бросается ему прямо в глаза, входит в них и растворяется внутри самой его сущности и беспамятства... Мир, totus mundus, orbis terrarum, вращается вокруг него гигантским огненным колесом истории народов, и на каждой спице этого чудовищного колеса войн, смертей и разрушений он видит себя...

Себя, размахивающим огромным двуручником или поражающим врага топориком из обсидиана, взирающим на пылающий город то с высоты пирамиды Солнца, то с башен цитадели Антония, пересекающим древний Океан с финикийцами, римлянами, варягами, испанцами, франками и кто знает с кем ещё... украшенного шлëмами, бляхами, перьями, какими-то птицами... нелепыми знаками... И всё это искрило и кружилось, и пело вокруг и внутри, переходя с утробного баса на колоратурное сопрано, переливаясь всеми цветами чудовищной радуги и останавливаясь на красном гортанном: «Ай-я-я, Ай-я-я, Ай-я-ЯЯ, Ай-я-ЯЯ...» И спицы, спицы, сливаясь в этом кругообороте в единую сплошную тугую линию, сплетались в древнем ткацком станке в узоры и символы, и силуэты далёких строений, в красные конусы, прорастающие из тонкой черты горизонта, разделяющей на материях анасази белизну на небо и землю... Символы, пламенеющие, как стены каньонов Колорадо, как скаты храмов мочика, как ступени Великой пирамиды...

И все эти знаки, мелодии и контуры погружались в него, прямо в его душу и в его тело... Так полная луна погружается в священные колодцы Юкатана, полные скелетов и призраков Солнца, так мысли погружаются в прошлое, воскрешая былые страсти, и выплескиваются в священных горах ледяным водопадом смыслов, домыслов и поступков... Поступков и действий... Действий и движений, движений, которыми он снимает головы вместе со всеми этими шлëмами и перьями – головы всех этих

Кортесов, Писарро, Агирре, Нарваесов, де Сото и многих, многих других... Он проникает в них, в каждую их клеточку, в каждую частицу; в каждый атом их тела; в информацию, высеченную резцами в храмах их аминокислот, в эти города потаённых надписей, которые он должен разрушить, в эти миры, в которых он должен стать звездой отмщения...

Он видел, видел воочию, как поднимается ввысь в этом огненном круге и входит под древние своды, как идёт, как движется мимо событий, преданий и верований, запечатлённых в камне забытыми мастерами. А история эта, все эти круги жизни движутся по спиральному коридору мимо, мимо него, по спиральному каменному коридору... Он ступает по живому водопаду коридора, а со стен и потолка сочится красная-красная вода. Вот он восходит по ступеням вырубленной глубоко внутри Земли, испещрённой письменами пирамиды и попадает наверх, на самый верх. И проливается дождь, настоящий чистый, холодный и бесцветный дождь, и Глухой Голос, его друг с красной кожей и чёрными волосами, с головою, украшенной перьями, набирает чашу этого дождя, полную прохладную чашу и подает ему, произнеся: «Пей!..» И вновь, в который раз, он слышит: «Ай-я-ЯЯ, ай-я-яя, ай-я-ЯЯ, ай-я-яя». Вот меркнет дождь, и меркнет свет, и пропадает старый, как мир, жрец, и новый цикл приходит на смену прежнему, и перья возвращаются с его головы в тушу орла, что оживает и вновь, находя глупого змея, садится где-то на древовидный кактус. И вновь узнает он себя в новой картинке непрерывной череды смертей и возрождений, разрушения и созидания, Луны и Солнца...

И в новой картинке он видит корабль, корабль его любимого красного цвета. И человека, сжимающего в руке темные пряди маленькой девушки в белом некогда платье, представляющего, что он поднимается от берегов Тортуги к жертвенникам Теночтитлана и морщинистым рукам Глухого Голоса, древнего вождя, две сотни лет покоящегося в глубине какого-то колодца, какой-то пирамиды, каких-то гор или каменном саркофаге какой-нибудь клетки какого-нибудь Кортеса...

«Ай-я-яя, ай-я-яЯ, Ай-я-яя, Ай-я-яЯ», – разносится над миром, и звуки эти, кружа над землёю, взлетая к высотам Чимборасо и падая в головокружение Андских ущелий, вминаясь в амазонскую сельву и шелестя невесомым песком в раковинах Каса Гранде, раскачивают его сущность, заставляют его делать усилия, шаги, проходить ему и только ему предназначенный путь, прописываясь строчками испанских манускриптов и передаваясь из уст в уста словами и поцелуями, и первыми криками новых поколений обитателей обеих Америк, вгрызаться замысловатым узором в золотые иконостасы Куско, быть запечатлённым великой иномировой сущностью на неприступных каменных вертикалях...

Но ему тесно в древних поверьях, и страшный косматый пришелец вырывается из тяжёлых скальных объятий и идёт по континенту, рассеивая вокруг кукурузные зерна и византийские солиды, морские

раковины и забытые города майя, строит камышовые лодки и отправляет через океан бальсовые эскадры, несущие на своих квадратных холстах его бородатый лик...

И всякий раз недосотворённая страна ждала его прихода, как ждала когда-то хвостатые звёзды, пробившие священные колодцы, как ждала капель дождя безводная Наска, как ждала жадных губ золотая чаша в руках древнего аборигена...

– Гляди! – слышал он и разводил руки, оглядывая их плоды... Но ухоженные террасы, леса и города перемешались под его взором во что-то новое, зелёное сделалось красным, бурелом сельвы стал месивом лежащих на палубе тел, и брызги рассвета отразились в глубине зрачков... – Гляди! – и он понял, что слова доносятся изнутри его тела и мыслей... Гляди! – и он поднял девушку за волосы над парашютом... – Гляди!.. – Её рвало...

– Что, – прорычал или, скорее, проорал ей в самое ухо Уно, – ты хотела знать правду? Так вот она, правда! Видишь? – он тряхнул её ещё раз за волосы, и глаза девушки раскрылись сами собой. Она окинула взглядом нагромождения трупов... тут были и матросы и офицеры, и мушкетёры и рабочие-индейцы, и какие-то негры. Все они застыли на этой палубе в катарсисе побоища, и, казалось, моргни сейчас, и это импровизированное поле боя зашевелится, оживёт, послышатся лязг и крики, и скрежет, звон и выстрелы, и опять крики и стоны умирающих, и проклятия их убийц. Но моргнуть она не могла...

Эулалия перевела было свинцовый измученный взгляд на одну из пустых ружейных стоек, торчащих прямо впереди из палубного настила, но взгляд этот вновь резко скакнул вверх, повинувшись движениям пальцев кукловода. Девушка, казалось, была близка к помешательству и теперь уже только постанывала, видимо, сама об этом не подозревая, уставившись куда-то в надвигающуюся из рассвета шеренгу ограждений полубака.

– Убедилась? – не унимался Уно. – Вот к чему приводит людей желание изменить свою судьбу. – Вот. Удовлетворена? Осознаёшь? Нравится? Мне нравится – они мои враги, но тебе-то каково? А? – вопрошал он невразумительно мычашую девушку. – Оно того стоило? Стоило жизни твоего папаша и всех этих твоих... – он поперхнулся, – идалго? Он помолчал. – Наверяд ли... Да? – пальцы на голове зашевелились, и послышался легкий треск ломающихся ногтей, до предела впившихся в красное дерево.

4

В сравнении со сдавленным хрипом Эулалии её внезапный вой оказался настолько неожиданным и пугающим, столько в нём было ужаса и безумия, паники – да, именно, паники, что Уно на мгновение опешил, и хватка его ослабла сама собой. Но глаза девушки не закрылись, хотя и

захлебнулся, было, её голос. Она всё так же продолжала глядеть куда-то вверх и поверх, не мигая, лоя ускользящий воздух открывающимся и закрывающимся в нелепом, сбивающемся ритме перепачканным ртом, напоминая несчастную рыбу, выброшенную удачливым ловцом на каменистый берег. Это сходство и заставило Уно отказаться от выскользнувшей из клубка спутанных мыслей мысли, что он ей что-то сломал...

Нет, всё, что ей можно было сломать, похоже, сломал уже кто-то другой и задолго до него... Да, какая ирония, – подумалось ему, – эту девчонку сочли бы невероятной красавицей, если бы она, конечно, нормально могла стоять на ногах. Это даже как-то несправедливо... со стороны Провидения – наделить деву всем, что только можно вообразить или пожелать: знатностью, богатством, звучным именем, точёными формами, смуглой бархатистой кожей, огромными миндалевидными глазами. И присовокупить к этому, например, костыли... Или походку марионетки пьяного манипулятора...

Наверное, это для смирения... Говорят, во всяком случае, раньше он это уже слышал, что человеческие души – это те ангелы, которые в вечности ещё не сделали выбор в пользу добра или зла. Те, кто ещё сомневается, и потому они были посланы на бrenную землю, чтобы здесь, как говорится, в полевых условиях, под гнётом разнообразных обстоятельств, как солдат на передовой, раз и навсегда сделать этот принципиальный и неизбежный выбор... Так это или не так?.. Во всяком случае, Уно этого не помнил. Наверное, и это для смирения... Гм... По крайней мере, девчонка не очень-то сможет нагрешить, даже если и захочет... Он уверен, это и был тот самый повод!..

Уно был уверен... Он развернул голову девушки лицом к себе, наклонился в самые глаза... Что? – спросил он. – Что ты... хочешь мне сказать? Перепачканный рот открывался и закрывался абсолютно, совершенно беззвучно. Уно заглядывал, он купался в этих бездонных, огромных, теперь совершенно круглых от ужаса глазах и не мог понять, чем вызвана произошедшая резкая, внезапная, нелогичная, как ему думалось, перемена. Он видел испуг и нечто нехорошее, давящее, он почувствовал – что-то сродни его собственному страху стало просыпаться внутри рёберной клетки. Он резко мотнул головой в сторону купающейся в алых отблесках полировки перил полубака, перевёл взгляд вниз... но всё было по-прежнему... Напряжённое восприятие возвратилось к ней.

К этим глазам... Этим длинным, крупным ресницам, этим цвета топлёного молока влажными поверхностям, испещрённым едва различимой сеточкой крошечных капилляров, ограничивающей бездонную чёрную пропасть... Тьфу, пропасть! – прошелестели хрусталем и вновь налились кровью индийские бриллианты, так нескромно отягощавшие правильные мочки этих ушей, кристаллы, так приятно оттенявшие и без того тёмного оттенка кожу, пленительно

гладкую, а, если приглядеться, и притягательно живую, дышащую, покрытую микроскопическим, едва различимым пушком и оттого бархатистую и ещё более соблазнительную... Тёмную, но и полупрозрачную... И где-то там, в глубине, под этой тоненькой плёнкой стучала крупная непослушная кофейного цвета жилка... Тук-тук, тук-тук... тук-тук-тук... тук... – сбивался ритм, отражаясь изменяющейся длиной окружности чёрных бликующих зрачков...

Тьма... Разумная тьма... Безвольная, бессильная ночь... Уже... или же пока ещё безвольная и бессильная, она была беспокойна, она пыталась внутри, где-то внутри... она стремилась вырваться из этих окружностей, прорваться полушёпотом, шёпотом, сдавленным приглушённым возгласом наружу, на свет, в свет... Зрачки, эти зрачки, помимо воли, его, Уно, физической силы клонились вбок; ночь уходила, падала к горизонту...

– Уберите его! – вырвалось, наконец, из голосовых связок резким натужным выдохом.

– Кого его?! – переспросил Уно, указывая свободно левой рукой в пустоте за перилами. – Кого конкретно? – расслабились и зашевелились усы. Скажи, кого конкретно, – прыснул он, – я его уберу! Если ты этого так, – он выделил это слово – «так», – хочешь...

Но зрачки Эулалии продолжали лежать у самых уголков глаз, и смехок Уно уперся в молочные их белки. И на секунду, на краткое мгновение ему померещилось, что она влезает этими закотившимися глазами своими в самую его душу, в самую сущность, как живой мертвец из полузабытых сказаний, проникает внутрь, сквозь него и... шепчет, шепчет... заклятие, шепчет: «Иди, иди ко мне, оставь, наконец, этот мир, иди...»

Неприятное ощущение... Он отогнал его, он нашёл её зрачки. Казалось почти невероятным, что она ещё что-либо видит среди всех этих тел, что она может что-то углядеть чуть ли не у себя за спиной, но было совершенно очевидным, что страшит её что-то конкретное, и она не в силах отпустить от этого предмета своё болезненное внимание.

– Уберите, уберите его, – шептала она, сбиваясь. – Уберите...

– Да, куда ты смотришь, дура!? – не выдержал Уно и отпустил наконец её волосы и тут же понял, – теперь, освободившись от его хватки, Эулалия прямо уставилась в точку, куда и надо было ему устремить свой взор. А устремить его надо было повыше, где над основанием вертлюжной пушки открывался прекрасный вид на широкий дощатый помост, который в жару укрывали от слепящего южного солнца парусиновым тентом. Этот помост служил чем-то вроде импровизированного кабинета на открытом воздухе. Сейчас тента не было, но на пунцовом спадающем вниз гигантском бухарском ковре валялись несколько перевернутых стульев и особняком стояло монументальное английское кресло.

По ковру полз младенец. Полз, огибая разбросанные сиденья... полз, казалось, целенаправленно и осмысленно. Он был крошечный, наверное, ещё не годовалый и совсем голенький. Однако какой-то белёсый лоскут материи, издали напоминавший пелёнку, а на деле, скорее всего, бывший застиранной матросской рубахой, зацепившись за ножку, резкими движениями двигался за ним следом. На фоне полыхающего над безбрежной белёсой бездной горнила утренней зарницы, на одиноком, дрейфующем в этой бездне неуправляемом галеоне, в этом заваленном трупам плавучем дворце, среди всей этой inferнально-умопомрачительной роскоши, созданной потом и кровью тысяч порабощённых и ограбленных аборигенов, простое, медленное, поступательное движение крохотного ребенка на краткий миг поразило даже видавшего всякое бывшего французского офицера. Подкатившая к горлу тишина, казалось, сковала его движения... И движения ребенка тоже...

У циклопического троноподобного кресла дитя, словно в раздумье, остановилось, повременило и повернуло к ним маленькую головку. Может быть, то была игра усталого сознания, может быть, и фокусы рассеянного света, только глаза его недобро сверкнули, и некое подобие улыбки исказило беззубые еще челюсти.

– Уберите... – ещё раз неслышно, почти беззвучно пробормотала Эулалия и, лишённая своего подвеса, начала медленно сползать под перила.

– Твою мать! – подытожил Уно свои ощущения. – Ещё один! Вот ведь устроил представление, паршивец! – Младенец смотрел на них ещё какое-то короткое время, отвернулся и пополз вперед со всё ускоряющимся ритмом движений коротеньких ножек и ручек. Дальнейшее Эулалия наблюдала исключительно сквозь изящные резные арабески, и дальнейшее это, поскольку Уно, наконец, сообразил, куда именно держало путь гротескное видение, развернулось довольно быстро, и, вообще, действие яркой вспышкой в памяти девушки воскресило картинку из раннего её детства о беге наперегонки с мальчишками.

Уно, сорвавшись с места, казалось, в воздухе ещё обогнул высокий столб, увенчанный золочёным херувимом, и стал быстро, через три ступеньки, спускаться по длинной плавным изгибом нисходящей к шкафуту лестнице. Пока он спускался, младенец преодолел ещё около полусажени по направлению к оружейному ящику с разбросанными вокруг пистолетами. В двенадцать поистине достойных восхищения прыжков Уно на пределе возможностей организма, каким-то чудом нигде не споткнувшись в морге шкафута, оказался на следующей лестнице, взлетел по ней, подобно орлу-гарпии, раскинув в стороны сильные руки свои, вспорхнул на помост и, оказавшись над ребенком, хлопнул себя по лбу и расхохотался...

– Вот дурак... И как я сразу-то не подумал!

Прямо перед ним лежало тело адмирала Родолфо в красивом, насколько визуально скромном, настолько и богато отделанном белом выходном костюме, наградная, осыпанная новогранадскими изумрудами, сабля, подарок римского императора, похоже, и располовинившая его строгое чело, торчала из под правой лопатки... Похоже, ночью он сделал ставку на пистолеты и прогадал. Ящик, к которому всё ещё тянулась его правая, в белой матерчатой перчатке рука, был открыт, крышка откинута, четыре или пять пистолетов валялись рядом. До одного из всё ещё заряженных и добрался ползунок своими не по-детски цепкими пальчиками.

Уно смеялся оттого, что представил, наконец, как крохотные, розовые ручонки будут пытаться поднять оружие длиной с самые эти ручонки. Ребёнок пробовал ухватить гладкую, лакированную рукоять, но никак не мог оторвать стальные стволы от палубы и умильно, теряя равновесие, плюхался на перепачканное мозгами Золотое Руно адмирала.

– Слушай, Хорхе, это ведь ты? – склонился Уно над старым своим знакомцем, – ну ты и пройдоха! Эй, – крикнул он с полусогнутых, в тёмные облака над Эулалией, – девочка, – он смеялся от души, – представляешь, он хочет меня застрелить! Нет, ты можешь в это поверить!?

С той стороны шкафута не донеслось ни единого звука, не было ни малейшего шевеления едва различимого сквозь перила белёсого пятна платья.

– А ну-ка, дружок, отдай игрушку взрослому! – съязвил Уно, желая отнять всё-таки двуствольный пистолет. Малыш, воспользовавшись тем, что правая рука соперника оказалась в пределах досягаемости челюстей, словно забыв об отсутствии зубов, тут же сделал выпад в тщетной попытке её укусить, но левой Уно уже ухватил его за ножку, и младенец повис над ковром вниз головой, всё ещё делая попытки зацепиться хотя бы пальчиками своими за рваную кружевную манжету.

– Эй, Ав... как ты сказала? Эулалия? Что ты там хотела с ним сделать? – насмешливо, почти игриво, прокричал Уно. – Насколько я помню, убрать?! – Он вновь смеялся. Кажется, испорченное девушкой хорошее настроение вновь к нему возвращалось.

5

– Молчание – знак согласия! – внимание Уно покинуло девушку. – Хорхе, друг мой! – продолжил Уно, обращаясь к висящему вниз головою ребенку. – Видишь, её превосходительство желает, чтобы я тебя убрал! – Тот лишь усилил свои бесплодные попытки вырваться. – Ты не беспокойся, я ведь не испанец и подчиняться не обязан, и не идалго, слово женщины для меня – не закон... Хотя, – он подумал, – нет, всё же ты прав! Ты прав, дружище! Беспокоиться тебе надо... Надо оттого, что ты меня не послушал... Скажи-ка мне, откуда ты выполз... – он

помолчал, вновь деланно поразмыслил, поднеся пистолет к виску, который и почесал заряженными стволами. – Хотя, думаю, что сумею обойтись и без твоего агуканья! А прямой в челюсть, я тебе, так и быть, прощаю!

Уно двинулся по цвета запёкшейся крови ковру с лёгкостью, присущей только бабочкам и танцовщицам. Ноги его, казалось, сами снабжённые крыльями, словно обутые в сандалии Меркурия, прокладывали себе путь в виду не верящей своим глазам, проглотившей язык, вжимающей смуглое личико в резьбу Эулалии, прокладывали путь к палубной батарее левого борта. Отложив пистолет на лафет кулеврины, Уно переместил младенца из левой руки в правую так, чтобы стоять к Эулалии лицом, и вынес его в океанский простор.

– Что, девочка, убираем? – спросил он её и, вновь не дождавшись ответа, заглянул в перекошенное бессильной злобой маленькое личико. – Ну, что ж... Ты сам все слышал... До встречи! – он улыбнулся. Эта улыбка была последним, что рулевой Хорхе видел в своей долгой и бесполовой жизни.

Тщедушное тельце полетело вниз, в туман, однажды поглотивший бескрайнее море. И столь высоким был борт галеона, и столь плотным покров, укрывший тёмную воду, что Уно не услышал, не увидел всплеска; впрочем, он не смотрел и не вслушивался, но, находящейся в и без того полубеспамятном состоянии Эулалии показалось, что моря уже не существует. И действительно, было похоже, что они на этом призрачном сумасшедшем корабле совершенно затерялись не только в пространстве, но и во времени и, что самое страшное, что затерялись вместе с этим, вне всякого сомнения, безумным субъектом, с улыбкой выкидывающим детей за борт... И вообще, откуда здесь взялся этот младенец... Должно, должно же быть происходящему здоровое и разумное объяснение... Если, конечно, это не сон... Нет, девушка что-то помнила, где-то на самом краю сознания и памяти начали было проецироваться размытые, смутные, неясные образы, картинки ушедшей ночи; однако при попытке сосредоточиться, глаза её, похоже повинувшись стоящему в сознании блоку, вновь стали закатываться сами собой...

Но Уно сейчас совершенно не занимали переживания его невольной спутницы, хотя и его тоже, пусть и по несколько иной причине интересовало, откуда взялся младенец, с той лишь разницей, что девушка, что бы там ни думал Уно, не знала всей картины происходящего, а он её знал... Ну, или думал, что знает...

Беглый уже осмотр полубака открыл ему вид откинутой крышки люка... Отверстие в палубе представляло собою правильный четырехугольник, снабжённый прочной деревянной решёткой, способной вполне пропускать солнечный свет, равно как и дождь, и вентилировать помещения, находящиеся под ним. Решётка эта откидывалась наружу и запиралась на щеколду с навешиваемым, в случае нужды, замком. Ныне

отверстие было свободно, являя взгляду мрак носового кубрика... В нужный момент у Уно не оказалось под рукой замка...

– Проворные сволочи! – хмыкнули усы, когда бывший французский офицер медленно и осторожно опустился на колено, осматривая открытый, но неповреждённый запор. – А я-то думал, что руки коротковаты!

Внизу было тихо, и царила мгла, вначале казавшаяся непроницаемой, лишь отсвет нарождавшегося дня создавал прямо под люком поле относительной видимости. Там проглядывало дерево пола. Ни один молодой луч кромки поднимающегося из моря мутного светила не проникал сквозь закрытые орудийные порты. Нагнуться ниже Уно не решился. Кто знает...

– Судя по всему, тут кто-то хотел говорить со мной? – бросил он вниз вопрос, видимо должный послужить приветствием.

И мрак по границе света пришёл в движение. Сначала по одному, потом группками на линию, очерченную рассветом, выползали или выходили дети в возрасте, по-видимому, от нескольких месяцев до двух-трёх лет и поднимали личики вверх, встречаясь с его, Уно, взглядом недобрыми своими взглядами, а мрак всё шевелился и шевелился, и злое шипение наполняло пространство под балками...

– С чего ты взял? – звонко переспросил вышедший в круг карапуз лет трёх с курчавыми золотистыми прядями.

– Мне Хорхе сказал! – с ухмылкой отвечивал Уно.

– Ты врешь! – хохотнул мальчик. – Хорхе не мог, он не умел говорить. Но, если ты, Херардо, шелудивый кобель, хочешь побеседовать, спустись к нам, – он скривился и деловито огладил пространство пониже подбородка. – Мы побеседуем... Если ты, конечно, не трусишь!

Уно был не прочь повеселиться за компанию.

– Поверь мне, дружище, никак не могу тебя признать. Я к вам спущусь, обязательно спущусь, – не торопясь, ввернул он, – только чуть позже, перед тем, как убраться отсюда! Ну, право же, не бросать же вас здесь с голоду подыхать!

– Болтай, болтай, сволочь! У нас теперь есть только одна цель, смерти мы не боимся, и цель эта, милый, поквитаться с тобой. И пусть это, – лицо мальчика исказилось гримасой плохо сдерживаемой ярости, – тебя греет... И её тоже!

На Уно эта тирада похоже не подействовала никак.

– Как хочешь, когда я буду отплывать, стану думать о предстоящих вам муках, это лучшее горячительное.

– И как ты планируешь отплыть?.. – с издёвкой поинтересовался мальчик. – По-собачьи? Или сперва попытаешься спустить на воду парусный бот? В одиночку? На пару со своей девочкой? У-т-тютю... Ты смешон, – похоже, его понесло, – ты останешься здесь, а мы всё равно выберемся отсюда. И тогда!..

– Ты меня просто пугаешь, Рафаил! Вот теперь я тебя признал! Нет другого такого любителя посотрясать воздух! Кто-то мне говорил, дай-ка вспомнить, что я не выберусь из... Сначала с каторги, потом из джунглей, потом из клетки, кто это был?! Ну, и где теперь ты, а где я?! Я найду способ! Ты ведь уже был там раньше, с экспедицией Солинаса, и знаешь, кто я! Я всегда нахожу способ отправить на тот свет ещё кого-нибудь из вашего брата! А для этого, как ни прискорбно, мне надо жить!

– Херардо, помяни мое слово...

– Ну, и что ты сделаешь, даже если выберешься отсюда? Твой Хорхе выбрался, и?.. Научился летать, а теперь учится плавать! Что, сам не вылез? Побоялся?! Никого крупнее не сумели вытолкнуть? Тупоумные!

– Ах, ты, сволочь!

– Да, я сволочь, – тоже мне, открытие! Но сволочь честная! Я предупреждал, чтобы вы сидели тихо и не пытались высовываться? – перемена в голосе Уно была внезапной и угрожающей. – Я предупреждал, что накажу!?

– Давай, портовая девка, спускайся, muchacha!.. – не утерпел и встрял голос с краю.

Этот последний возглас потонул в звуках выстрелов. Уно, мгновенно подняв пистолет, отобранный у рулевого Хорхе, саданул вниз, наугад, почти одновременно из обоих стволов. Не попасть хотя бы в одного из добрых трех десятков детей в этом замкнутом пространстве было невозможно, и вслед за звуками выстрелов сразу разразились оглушительный в этой относительной тишине визг, вой и отборный матросский мат.

– Херардо, скотина!.. – орал кто-то из тех, кто мог говорить.

– Ещё какая, – ответил ему Уно и с силой и злобой запустил бесполезным теперь пистолетом вниз. – Съели, закусили!.. – Ему явно показалось мало, он вытащил из-за пояса один из своих собственных однозарядных пистолетов, разрядил облачком порохового дыма и вновь запустил в тёмные волны подпалубного пространства.

– Давай, ублюдок, давай, – выло снизу, – это всё, на что ты способен?! Ты сдохнешь здесь, нечисть! Подонок, давай!

Но Уно, похоже, уже был доволен... Он с треском захлопнул решётку, передёрнул задвижку, вслед этому гвалту опустил тяжёлую крышку люка. Подумав, он ещё приволок и установил сверху тот самый пистолетный ящик, наполнив его на треть двенадцатифунтовыми ядрами.

И только теперь, взглянув навстречу восходящему солнцу, он смог глубоко вздохнуть и потянуться!

Утро! Как хорошо... Он стоял и смотрел в поднимающийся из белёсого одеяла огромный мутный расслоённый полосами грязно-розовый диск, отороченный по краю яркой, нетерпимой глазу огненной каймой, и наблюдал, как кайма эта, расширяясь, заполняла мир вокруг красным золотом, пронизывая тонкими, почти осязаемыми нитями

паутинное переплетение тросов такелажа, добавляя радости воскресения раззолочённому Кадисскому склепу, зажигая огоньки-миражи в габаритных фонарях обоих бортов, превращая в ажурные теремки башенки снайперов, добавляя красок недвижно повисшему в обрамлении грозových туч Запада флагу католического королевства...

А позади, за спиной, маленькая девушка в некогда белом платье, балансируя на границе сознательного, ждала его, Уно, действительно, ждала... Потому что здесь, на этом корабле, под этим ослепительным флагом, под этим сомнительным солнцем ей больше некого было ждать.

Часть вторая

И вот они говорили, обсуждая и совещаясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и мысли.

Пополь Вух

6

Вице-король занимал на борту «Санта-Моники» покои господина адмирала, в то время как сам господин адмирал короля Карлоса и граф Священной Империи герр Рудольф фон Бауэрсбах любезно переселялся в крохотную каюту у самого борта, всю меблировку которой составляла обитая кожей тахта меж лафетами двух дальнбойных льежских орудий. Здесь его обычно и навещала его тайная жена, китаянка из Макао по имени Лу, вероятно, Лусия, неплохо лопотавшая по-португальски и совершенно не понимавшая немецкого.

Уступая свои громадные апартаменты высокому гостю, что, впрочем, случалось не так уж часто, адмирал обычно выказывал хорошо скрываемое неудовольствие, так он поступил и в этот раз, ещё не зная, что раз этот будет последним. Впрочем, всё это было игрой, мало кто знал, кроме, пожалуй, китаянки Лу, но дон Родолфо жил в бортовой каморке всегда, внутренне тешась скрытым аскетизмом и успехами в смирении гордыни.

Огромные же кормовые помещения с видом на океан из восьми двустворчатых золочёных окон использовались им как столовая и своеобразный музей имени самого себя, который адмирал, как и всякий тщеславец, стремился продемонстрировать возможно большему количеству лиц. Именно поэтому, пока корабль стоял в виду цитадели Святого Филиппа в шумном порту Индейской Картахены, здесь не прекращались званные приемы и обеды, самое меньшее, для всего руководящего состава эскадры, а, зачастую, и для доброй половины снобов из колониальной администрации.

Надо сказать, что обстановка парадной залы, из которой расходились в разные стороны резные двери, действительно, была впечатляющей. Сводчатый потолок, на который, в первую очередь, обратил внимание

Уно при первом ещё посещении, и сейчас приковывал его взгляд. Высота этих сводов казалась поистине невероятной для корабля и, похоже, была ограничена лишь уровнем четвердека. В два яруса он был забран, по португальскому образцу, полупрозрачным минским столовым фарфором, крупные фарфоровые же вазы по сторонам украсили бы даже собрание дрезденского курфюрста.

Стены, оформленные драгоценными панелями, открывали на уровне груди и выше прямоугольные участки китайского шёлка в спелый маковый цвет, серебряные торшеры и бра должны были, видимо, подчеркивать их яркость светом своих свечей, оттесняя в приглушённую тень ростовые портреты дорогих сердцу хозяина Габсбургов: Карлоса и Леопольда.

Два комплекта доспехов покойно стояли на бухарских коврах, как рассказывал адмирал, из коллекции Сигизмунда Ваза. Один из комплектов, раззолочённый, принадлежал самому дону Родолфо, и даже несколько раз использовался им на турнирах. Другой, насекомоподобный, был подарком от португальского торгпреда в Нагасаки. Стены понизу обрамляли широкие диваны с резными ножками и спинками, перемежавшиеся всевозможными шкафчиками, застеклёнными и нет, наполненными изящным оружием, посудой, статуэтками и безделушками со всех концов Земли, а также моделями испанских каракк, французских галер, турецких шебек и венецианских галеасов. Всё это было надёжно закреплено в специальных стойках, а мебель намертво присоединена к полу, что при качке, наверно, создавало странное ощущение.

Потрясающее убранство это было скоплено адмиралом за годы службы при дворе, а также в Китае и на Филиппинах, и, весьма вероятно, на галерах Золотого и Серебряного флота, вывозивших в Старый Свет сокровища Гуанахуато и Потоси. Как бы то ни было, цель оказалась достигнутой вполне, о доне Родолфо говорили только с придыханием алчности, а вице-король, один из мировых владык, терялся на фоне этих интерьеров. Да и вообще, адмирал всем своим видом старался показать окружающим, что чувствует себя с Паскуалем Мендосой на равных, пусть и уступая в положении, но, несомненно, превосходя родовитостью... Покопавшись в каких-то архивах, он нашел в своих жилах несколько капель крови самого Карла Великого и с тех пор стал свято и с молчаливой надменностью в это верить.

Вот и теперь, лежа на палубе, зарубленный собственным клинком хозяин этой богатой залы смотрелся много шикарнее, много величественнее вице-короля. Тело герцога, облачённое в зелёный, в огурцах, халат с кистями, ночной колпак и домашние тапочки, покоилось с обратной стороны массивного стола; из проломленного о край подоконника виска сбегала стылая струйка запёкшейся крови. Тело немолодого уже человека... Просто тело среди кунсткамеры... Даже странно... Глядя на него, Уно впервые не чувствовал радости при виде

мёртвого испанца... Еще более странным могло показаться, что всё осталось на своих местах. Никто не бил здесь тарелок, не палил по витринам, не портил мебель, кажется, что удивительно, никто даже не прикоснулся к оружию. словно мысли убийц были заняты чем-то более важным, чем-то совершенно иным... Уно знал – чем, запертые в кубрике друзья – тоже. Эулалия? Он начинал сомневаться... Может, он зря обидел девочку?... Что за бредовая мысль!

Здесь даже не натоптали. Если бы не тело у окна, не его самого здесь присутствие и не прибитые гвоздями с ажурными шляпками края содранной со стены карты Архипелага, которую он недавно столь кощунственно использовал под скатерть, можно было бы подумать, что ничего и не случилось. Но карта была безжалостно содрана, вице-король глядел из-под открытых век на глазурованных китайских драконов, а он, Уно, стоял тут, осматриваясь.

Он сделал несколько шагов, ощущая, как подмётки сапог приятно утопают в длинном ворсе, подошёл к окну, огладил пальцами золочёную раму, нашёл глазами запоры, щёлкнул и распахнул створки... Холодный утренний воздух, ворвавшийся из кормовой тени, плюнул в его лицо свежим, зябким поветрием ушедшей ночи и прорвался назад, ему за спину, разбавляя затхлый полумрак. Море, море тумана... Уно вдохнул, вдохнул полной грудью этот величественный, безбрежный молочный простор, начинающий отливаться радостной позолотой, пришедшей на смену кровавым оттенкам, позолотой, столь приятно контрастирующей с синими-синими тяжёлыми облаками, обрамлявшими Запад Света.

Запад Света. Пустой и очень красивый простор. Даль, отражающая в самой себе свет и темень, лёгкость стелящегося над водой пышного тюля и тяжесть небесной влаги, молотом нависшей над наковальной океана. Эта даль была жива и величественна, в отличие от кормовой сени галеона, которая, хотя и не менее грандиозная, была мертва и к которой, как к последнему прибежищу, стремились все духи моря, тончайшими лоскутами ночных теней врывавшиеся в поле зрения. Хотелось выпить...

Налив портвейна в тяжёлый хрустальный кубок из стоящего на столе графина, Уно вернулся к окну, сделал крупный глоток и высунулся наружу: поглядел влево, потом вправо. Цепь кормовых окон, перемежавшаяся позолоченными же балками в форме фигур каких-то забытых, неведомых Уно святых, пересекала металлической своей желтизной корму одним рядом от борта до борта, перетекая в крохотные ушки-балкончики, отсюда совершенно не видные. Рядом, протянуть только руку, эту пугающую изяществом отделки цепь нарушал гигантский, в два человеческих роста, Королевский герб, над которым возвышалась невероятных размеров, а именно, в добрых восемь сажений, икона – изображение Мадонны с Младенцем, над которым вознёсся трехметровый Иисус, распятый на Кресте, и только ещё выше начинались перила, увенчанные флагштоком с пунцово-золотым стягом, купающимся

в золоте молодого солнца... От осознания высоты у Уно даже обнесло голову, так что поневоле вспомнились слова, сказанные им ребёнку по имени Хорхе.

Всё это пустяки... Хозяева этого великолепия мертвы и никогда более не смогут насладиться оглушающей огромностью памятников своего мнимого величия, а распятие, вознесённое ими во славу самих себя, стало надгробием братской их могилы, как и сам этот чудовищной мощи корабль – бесполезным их саркофагом.

А что же имело значение?... Что имело значение для него, Уно? Он переместил внимание вниз. Да, именно это крохотное отсюда тёмное пятнышко, то видимое, то кажущееся, ныряющее и вынырывающее из клубящейся внизу невесомой воды было сейчас главным... Если бы оно не усматривалось там внизу, всё было бы много, много хуже... Но пятнышко отнюдь не являлось фантазией, плодом замусоренного воображения, оно прорастало реальностью, как сам Уно, как этот подоконник, как этот, очень, кстати, недурной, портвейн... как толстый витой канат, протянувшийся снизу вверх, от пятнышка, несомненно бывшего вёсельной лодкой к крючьям, торчащим из-под жестяного оконного карниза.

Оно существует, и это обнадеживает... Эта лодка – ковчег, предназначенный для пары человеческих тварей, этот галеон – старый мир, который рано или поздно поглотят солёные волны океанских течений, вместе со всеми его грешниками и продуктами их распада... Но они, Уно и Эулалия, уплывут отсюда, уплывут с этого корабля, покинут этого гибнущего колосса, этого золочёного идола цивилизованной бесчеловечности, призванной уничтожать во имя Бога и, значит, во имя любви...

Уно, Уно... Может быть, действительно, не для пары, а только для одной твари предназначена эта лодка? Только для него одного? И только ему предстоит выжить в этой переделке, уже принёсшей на алтарь человеческих страстей почти шесть сотен человеческих жизней? Может быть, лишь ему суждено Провидением покинуть этот роскошный гроб, движущийся по отливающей золотом облачной дороге к вратам Святого Петра? Может быть, девушка недостойна того, чтобы брал он её с собою в темнеющую даль продолжения земного существования? Что ж? Может быть! Это зависит от того, какую роль она играла в случившемся, это зависит от того, что она знает о грузе, из-за обладания которым все эти люди перебили друг друга, иными словами, это зависит от того, насколько хороший она человек... И в самом деле, она ведь всё знала, знала с самого начала! А если так, зачем ему брать её с собой?! А если всё-таки не знала? Что ж, это легко можно проверить!

– А как же слово, данное девчонке? – шевельнулась едкая мысль.

– Слово? А что слово? – ответствовала другая. – В конечном счёте, испанка она или нет?!

Уно одним глотком прикончил кубок, вышвырнул его в океанский простор, нагнулся и ухватил под мышки недвижимое тело одного из мировых владык...

7

– Он мёртв? – тёплый портвейн тоненькой струйкой стёк по внутренней поверхности горла. – Не молчите. Скажите мне, он мёртв?

Уно отнял пустой бокал от вопрошающих губ, практически свободных от съеденной уже помады.

– Ты об отце своём спрашиваешь? – уточнил он и без того очевидную вещь.

– Батюшка не отец мне, – ответила полулежащая на подушках дивана девушка. – Дон Паскуаль мой отчим...

– Вот как? – вновь наполняя бокал, Уно практически не выказал удивления, хотя новость была для него достаточно неожиданной. Это надо учесть. – Тут все мертвы, – наконец ответил он полутвердительно. Очевидно, что для Эулалии этой фразы было явно недостаточно.

– Так он мёртв или... нет? – с болезненной настойчивостью повторила девушка свой вопрос. – Вы мне не ответили...

Уно вперился в её лицо спокойным душепоглощающим взглядом, потом нехотя махнул рукой куда-то вбок.

– Там, за дверью – с проломленной головой. Он лежал здесь, но я вытащил его в спальный покой, – он смолк на секунду, потом добавил. – Тебе достаточно? Или, быть может, хочешь взглянуть?

– Спасибо, – ответила девушка. Уно вновь отнял от её губ бокал, не успев, по-сути, ещё его поднести. – Спасибо, довольно. Я так совсем захмелею.

– Тебе не повредит, девочка, – Уно произнес это почти доброжелательно. – По крайней мере, ведёшь себя ты уже спокойнее. – Не хочешь, и правильно, такова жизнь – все умирают... Рано или поздно...

То ли не стоило этого говорить совсем, то ли в словах Уно сквозила откровенная фальшь неверия, только девушка всхлинула.

– Да, я не хочу... Я предпочту, чтобы в памяти моей он остался сильным, красивым и... живым...

Уно передернуло:

– Я же просил тебя не разводить соплей! – взвился он. – Это очень, очень простая, на мой взгляд, просьба! Ну почему так сложно выполнять простые мои просьбы? – вопрос был задан в таком тоне, что отвечать на него было, по меньшей мере, неразумно. Однако Эулалия даже не задумалась об этом, она, как по команде, быстро, лихорадочно ладошками стала утирать предательские слезинки.

– И этих мелких скотов просил ведь – не высовываться, – он чуть не крякнул, вспомнив о судьбе фараона из слоновой кости, когда пальцы

сорвались в пустоту, – сказал – не будете высовываться, прикончу быстро. А результат?

– Я не плачу! – резко, похоже, устранившись даже не столько его слов, сколько этой резкости собственного возгласа, возразила ему Эулалия.

– Не плачешь? – переспросил Уно, взглядом всверливаясь ей в зрачки. – Ты уверена?! – почти злорадно ухмыльнулся он её страху, смахивая пальцем солёную капельку с её щеки.

– Ни в коем случае, Уно, – справляясь с собою, подтвердила Эулалия. – Наверное, мне что-то попало в глаз.

Уно пристально, словно проверяя искренность слов, наблюдал за движениями её зрачков; он по достоинству оценил её усилия по самосохранению. Она будет хорошей девочкой и не станет безобразничать...

– Вот и славно, – сказал он, будто отмечая что-то для себя, и двумя пальцами вынул из кармана явно чужой белоснежный батистовый платок, – что в глаз тебе попало не то, о чём я предупреждал. – Акцент на «то» был более, чем очевиден. Уно улыбнулся одними глазами, конечно, он не всерьёз. – Жить тебе или не жить зависит от меня!

– А может, и впрямь свернуть шею этой курице? – отвлекшись на эту мысль, он счёл нужным повторить для пущей убедительности. – И только от меня... Я хочу, чтобы ты не забывала этого.

– Я не забываю, – подтвердила девушка.

– И правильно делаешь, – похвалил её Уно, – потому что, пока ты всё делаешь правильно, я веду себя очень мило. Вот, например, ты не скулишь, как недорезанная, и я из рук пою тебя чудесным портвейном. Не правда ли, это очень мило с моей стороны?

– Вы правы, Уно, это действительно очень мило, – поспешила согласиться с ним Эулалия.

– А теперь ты будешь умницей и сделаешь всё так, как я говорю.

Девушка кивнула, Уно взял её за плечи и развернул лицом к нарождавшемуся свету:

– Смотри мне прямо в глаза и не отворачивайся... и не моргай. Я задам тебе несколько вопросов. Отвечай только «да» или «нет». И... постарайся не лгать...

Глухие нотки его голоса ясно дали понять – это не «вопрос жизни и смерти» из жеманных французских книжонок, это вопрос её жизни и её смерти, и девушка поняла это.

– Ты поняла? – всё же решил удостовериться он.

Эулалия, уже наученная опытом, не отводя бездонных своих зрачков, во влаге которых Уно видел написанный самим Провидением свой свежий и чёткий портрет, помедлив, произнесла слово «да». Граница бездонной пропасти расширилась, потом пошла внутрь.

– Действительно, «да», – понял Уно, – ну, что ж, начало положено, продолжим.

И он продолжил:

– Ты знаешь, что перевозит этот корабль?!

– Нет, – ответила девушка, – и зрочки, вторя её голосу, сузились, затем расширились.

– Хорошо, – промолвил Уно, – ты знаешь, что было целью экспедиции?

– Нет, – ответила девушка. И это, как ни странно, было правдой. Она могла даже не отвечать, её глаза говорили красноречивее всяких слов.

– Как ты думаешь, ты имеешь отношение к этой цели?

– Нет, – ответила Эулалия. И это было правдой. Девушка, похоже, действительно ничего не знала о целях этой «прогулки», и, что самое главное, она была с ним, Уно, честна. Он был неправ, он с самого начала ошибался насчет неё, а он не любил быть неправым. Он возьмет её с собой, он так решил, иначе это будет просто несправедливо...

– Умница, – улыбнулся Уно, пытаясь где-то внутри сохранить лицо и одновременно отпуская смуглые плечи. – Ты была честна. Но я хотел бы узнать ещё кое-что... – он чуть не подавился комком, подчиняясь нахлынувшему ощущению неправоты, которое он так в себе презирал, – если ты, конечно, не возражаешь...

– А у меня есть возможность выбора? – поинтересовалась девушка, едва не хлопнув себя рукою по губам.

Уно неодобрительно покосился на неё, но, кажется, предпочёл не придавать излишнего значения спонтанно вырвавшейся фразе, хотя не ответить у него не получилось:

– Этот вопрос был задан из вежливости. Я хочу знать, что с тобою приключилось, – он театрально подкрепил размытую формулировку конкретным жестом, махнув рукой над скомканными её юбками. – Это не праздный интерес...

Девушка поджала губы. Она всегда так делала, когда тема разговора не доставляла ей удовольствия. Вот и сейчас рефлекс сработал с изумительной чёткостью, нимало не считаясь с потенциальной угрозой.

– Если у меня есть выбор... – в тоне девушки, Уно, наверное, это послышалось, зазвучали стальные нотки, – мне бы не хотелось касаться этой темы...

– ...Мне бы не хотелось касаться этой темы. Ты ведь знаешь это, дочка, – дон Паскуаль с наигранной серьёзностью сдвинул брови и покачал указательным пальцем. – Никаких животных в доме. Ты ведь не хочешь, чтобы я заболел?

– Нет, батюшка, но ведь он такой хорошенький!

Маленький белый котёнок на каменном бордюре был таким трогательно-беззащитным, что девочка семи лет просто не могла не

попросить родителя взять его домой. Герцог души не чаял в падчерице, она была той единственной ниточкой, что, помимо молитвы, связывала его с покойной женою, однако, аллергия есть аллергия... И кошачья шерсть была для него настоящим кошмаром.

– Дочка, он действительно очень хорошенький, но, скорее всего, он чей-то... Погляди, уж слишком чистый. Давай, лучше на обратном пути мы купим сладостей...

– Хорошо, батюшка, – со вздохом искреннего сожаления согласилась девочка, продолжая засматриваться на котёнка. Ведь сладости – это хорошо. Но котёнок, он такой тёплый, пушистый, усатый, его так здорово тискать... Котёнок, конечно же, намного лучше любых сладостей...

Утро было свежо, погожий день обещал яркое синее небо, тёплый южный ветер колебал верхушки старых каштанов и нёс с собою майскую благодать благоухания с далёких берегов говорливого Гвадалквивира, из страны, что в старину мудрые магометане называли Ал Андалус, возвращая севильские, кордовские и гранадские минареты во славу Создателя и его пророка.

Дон Паскуаль любил такие приятные утра, часто посвящая их прогулкам с девочкой по городким садам, степенной Пласа-Майор или шумной Пуэрта-дель-Соль. Вот и сегодня его полированная эбенового дерева трость уже вдоволь настучалась по мощёным тротуарам столицы христианнейших государей. Девочка обычно неспешно шла рядом, держа родителя за персты и любуясь зеленью деревьев, изящными туалетами дам и костюмами галантных сеньоров, порталами дворцов и особняков, струями прохладных фонтанов и куполами соборов, золотыми своими крестами вознёсшихся в безоблачное небо Мадрида.

Но сейчас, когда отвлечённый ею герцог вновь вернулся к неспешной беседе с уважаемыми сеньором и сеньорой Вельянуэво, всё внимание маленькой Эулалии было приковано не к щеголеватому, одетому по последней моде кавалеру и не к изумительной красоты молодой особе, его супруге, а к маленькому пушистому зверёнышу, одиноко взирающему вдоль по залитой ласковым солнцем Аламеде.

Котёнок уже знал то, чего ещё не знала девочка. Он осознавал шестым своим чувством, сквозь стены и деревья следя за белой шестеркой, во весь опор мчащей к бульвару, что всё предопределено изначально. Он знал и про кровь, и про жгучее, не заливаемое спиртом горе, и про постель, которой суждено на долгие годы стать домом такого же, как он, маленького и беззащитного существа, и про далёкий, затерянный в пространстве и времени источник жизни, способный исправить, залечить, воздать счастьем. Но котёнок знал и нечто иное и не двигался с места...

Белый экипаж легкокрылой чайкой вылетел на брусчатку проезда... Герцог видел его. Он обернулся к стоящему подле него ребёнку и

отстранил девочку от кромки бордюра. Ещё несколько мгновений, и экипаж с гиканьем пронесётся мимо...

Но Провидение решило по-иному. Эулалия испугалась. Испугалась за этот маленький и добрый комочек, вжавшийся от страха в шероховатый камень... Она решила непременно взять его на руки, прижать к груди, приласкать, защитить... Решение крепко, а карета приближалась. Девочка, рывком высвободив плечико из сильной руки, устремилась к котёнку, тот от неожиданности сиганул на мостовую, ребёнок, не сообразив, машинально кинулся за ним, и... гул подков схлопнулся над их головами...

Так ли всё было? Нет, не так... Был еще один важный фактор. Это фактор любви. Кони зашоренными глазами своими не видели, не могли видеть, что прямо перед ними в воздухе, над самой поверхностью мостовой, пронеслась серая тень... Это отчим сломя голову нырнул прямо под копыта полутонных животных. Кувыркнувшись по брусчатке, он ухватил Эулалию за тонкую ручку и вместе с ней... Нет, не вместе. В жизни так не бывает...

Герцог орал, он выл, выл так, что люди высовывались из окон, а ошарашенные прохожие в ступоре стояли, не зная, чем тут можно помочь... Он выл от боли, но это была не боль сломанного предплечья – он её даже не чувствовал...

Это была боль бессилия... А он... Он просто хотел вернуть эти несколько идиотских секунд и обнять её... Прижать к себе... сильно-сильно, крепко-крепко... И не отпускать... не отпускать... Хотел чувствовать мерное, чуть взволнованное биение её сердца, слышать прерывистое дыхание у своего уха... ощущать на своём лице лёгкий пепел её волос... И убить укатившего возничего... и всех его пассажиров... И лошадей... И этого проклятого котёнка, призывно мяукающего на соседнем бордюре...

8

– Извини... – Уно слушал, отвернувшись к панораме казавшегося иномировым океана, и слушал очень внимательно. В его голове факты вновь не сходились с гипотезами... Кажется – вот оно, всё так, всё правильно, всё совершенно, абсолютно логично... Но... вновь и вновь – странные повороты сюжета... Она скоро его спросит... Обязательно спросит. Он не просто был уверен в этом. Он почти наверняка это знал...

– Что, простите? – выдох сорвался ему в спину.

– Я сказал, извини, – не оборачиваясь, повторил Уно. – У меня это бывает. Иногда я знаю то, чего знать не должен... бы. Наверное, виною большой опыт... Я вовсе не хотел тебя обидеть.

– Не хотели меня обидеть?!.. – от неожиданности сорвалась на крик Эулалия, но была резко оборвана ледяным взглядом обернувшегося мужчины.

– И это всё, – отрезал он. – Если ты думаешь, что я сейчас от угрызений совести дам тебе леденец, ты просто дура. Молчи и радуйся тому, что я подарил тебе жизнь. Второе, нет, уже третье рождение... Намажь его сахарным сиропом и засунь в рот.

Эулалия, казалось, не верила своим ушам:

– Жизнь, Уно? Вы?.. Мне?.. Это моё-то существование Вы жизнью именуете? В таком случае, позвольте предположить, что Вы ничего о такой жизни не знаете...

Уно не обернулся.

– Скажите мне, – продолжила она. – Вы всегда так злитесь, когда что-нибудь искренне Вас трогает?

Он молчал. Тогда она, собравшись с мыслями, решила:

– Не так ли, Марсель Дюбоск?

Вряд ли Уно ожидал когда-нибудь вновь услышать это имя, имя, которое, похоже, конской пиявкой прилепилось к нему.

– Я вижу, кое-что ты начинаешь вспоминать! Рад за тебя! – он подошёл, присел рядом.

– Я так и думала, – почти облегченно вздохнула девушка. – Это ведь Вы – один из представителей бывшей французской «Compagnie des Indes occidentales» в испанских колониях? О Вашем исчезновении тогда писали все газеты!..

Уно, ухмыльнувшись, повёл подбородком, словно потешаясь над её словами:

– Ну, почему люди так рады найти вещи, им известные? Это же глупо. Твоя радость абсурдна! Разве то, что я могу оказаться человеком, о котором писала колониальная пресса, отменяет то, что я таскал тебя за волосы? А? Ну... – он выдержал паузу, – Да! Я Марсель Дюбоск! – согласился с девушкой Уно. – Может, дать тебе автограф? К тому же, это только лишь имя одного из агентов мсье Кольбера. А еще я Пьетро Фарелли для Ватикана, Джефф Симмонс для Интеллидгент сервис, Йошка Берг для венского правительства и даже, – он помедлил, – Херардо Грисалес... и это далеко не весь перечень!

– Как? – снисходительно осведомился он. – Стало понятнее?

Судя по выражению лица девушки, понятнее стало.

– Мне кажется, следует оставить всё как есть... Имя Уно – самое подходящее. Как ни крути, я всё-таки первый и единственный в своем роде!

Ну-ну, вот сейчас, сейчас она его спросит... Обязательно спросит. Она даже попробует потребовать у него объяснений. Воистину сказано, в своем отечестве пророка нет... Amen!

– Нельзя оставить всё как есть, мсье Марсель! – решительно заявила девушка. – Я хочу знать, что здесь случилось!.. Я имею право знать!..

– Ты... – попытался перебить её Уно.

– И хватит мне тыкать!.. Ведите себя как мужчина, в конце-то концов! – почти проорала она ему в лицо, испугавшись звука его голоса, испугавшись, что он вновь причинит ей боль... Но Уно уже не хотел этого.

– Я потеряла отца и желаю знать – почему!.. – продолжала она в панике. – Я имею право...

Уно выдохнул совершенно беззвучно.

– Да, сеньорита, – произнес он. – Вы имеете на это полное право. Давайте перейдем на «ты»... Спасибо! Ты, Эулалия, имеешь такое право, – он повторил медленнее, – имеешь право... А с чего это я должен твоё право удовлетворять?! А? – он перешёл на язвительный вопросительный речитатив. – Решила, что разжалобила меня? Решила, что я проявил слабость и пожалел тебя! Решила, что сможешь мною крутить!? Кто ты? Кто ты такая, что ты о себе возомнила? Решила, произнесёшь моё имя, надавишь на совесть, и тебе подотрут нюни? Я спросил тебя о твоём прошлом, и ты мне ответила, это всё...

Эулалия примолкла. Её выходка действительно была глупой, хотя и искренней.

– Я могу тебе рассказать, мне несложно, – продолжил Уно. – Однако толку, сдаётся мне, не будет всё равно...

– Почему? – сквозь зубы спросила девушка.

– Потому что ты всё равно мне не поверишь! Потому что ты всё ещё считаешь ребёнка, что полз по палубе... Не отворачивайся! Не смей отворачиваться... Иначе будешь зубы сплёвывать! – он схватил её за подбородок, и оскал стал волчьим, – галлюцинацией! Да, галлюцинация – отличный ответ на всё! Решила играть со мной? Ты же помнишь, – она вырывала подбородок из цепких пальцев, – ты многое помнишь, ни хрена не понимаешь, но многое помнишь, тебе просто духу не хватает поверить! Веры у тебя не хватает! И доверия к моим словам! И запомни... – он выдержал паузу, – на будущее, на всю оставшуюся жизнь! Прежде чем что-нибудь вякнуть, подумай, чем это отзовется, и прежде, чем спрашивать, реши, хочешь ли ты услышать ответ!

Он выпустил, наконец, её подбородок, резко, больно, оставляя следы пальцев на тёмном бархате, выпрямился и отошел к окну, налить себе выпить. Глядя в безбрежную, начинающую приобретать обыкновенные свои очертания даль, он глотал и глотал портвейн, настоящий превосходный порто, и порции, щедро отмеряемые кадыком, волнами разносили по жилам хмель и успокоение... Уно был великодушен. Он дал собеседнице время на размышления.

– Так мне стоит с тобой возиться? – стакан с глухим звуком опустился на обивку столешницы.

– Я хочу услышать ответ на свой вопрос, – донёсся сзади результат трёхминутных размышлений. Тон результата Уно счел приемлемым.

– Ну, хорошо, – согласился он, отодвигая от края дивана шёлк её юбок и вольготно усаживаясь. – Тогда, как говорится, устраивайся поудобнее. Попробую объяснить максимально кратко и при этом с наибольшей степенью доходчивости.

– Во-первых, – продолжил он, обращаясь к Эулалии, – необходимо чётко уяснить, где мы с тобою находимся. – На этих словах Уно замолчал, сделав недвусмысленный жест пальцами.

– Это вопрос? – не поняла Эулалия.

– Да, вопрос, – пояснил Уно.

Девушка впервые за это утро почувствовала, что её и впрямь считают круглой душой, и признаки этих чувств вполне проявились и в лице её, и в мелодике голоса.

– Мы, – она выждала паузу, – сдаётся мне, всё ещё находимся в Америке... – Неужели она начала в этом сомневаться? Что за бред?!

Уно сделал утвердительный жест:

– Не тушуйся ты так. Я не твой учитель географии. Всё правильно... Мы находимся в Америке, хотя, если уж честь по чести, из чувства признательности к сеньору Колону и его колонистам, правильнее бы вам, испанцам, именовать континент Колумбией... Или даже Западной Индией. Колон все-таки искал путь именно в Индию, правда, до конца жизни так и считал, что попал в Китай... Впрочем, это уже к делу не относится...

– Я всё это знаю, – кивнула Эулалия.

– Конечно, знаешь, – поддержал её Уно. – Судя по твоей походке, ты девушка начитанная. А вот аборигены этих земель, боюсь, с тобою не согласятся. Многие из них до сих пор именуют их недосотворённым краем, землями, не оконченными творением...

Эулалия сочла за благо проглотить обиду:

– Не оконченными творением?... – наигранно-бесстрастно и вместе с тем искренно-непонимающе повторила она. – Как это?

– Да-а... – не преминул съязвить Уно. – Я, конечно, знаю, что ваши иезуиты запрещают вам читать Писание, но не думал, что это приводит к таким пробелам в образовании! Творение, милочка! Fiat lux!..

– Я поняла, – поспешила заверить его девушка. – Причём тут Америка!?

Уно проникновенно улыбнулся, – примерно такого поворота он и ожидал.

– Именно теперь переходим к самому интересному в мировосприятии всякого цивилизованного европейца. Причём тут Америка?!.. А при том, что, как ни странно, этот континент тоже является частью мира, частью нашего маленького синего шарика на просторах Вселенной. Оказывается, он, подобно всему остальному, тоже когда-то был сотворён Богом, как бы ни разубеждали себя в том господа колонизаторы, присвоившие его богатства путем убийства сотен тысяч сотворённых Богом людей.

Фраза «Новый Свет», милая моя, не столь уж безобидна, как это кажется на первый взгляд. Она вполне оправдывает деление мира на первичный и второстепенный, на цивилизованный и нецивилизованный, на угодный Богу и ему не угодный. При этом жители первого, разумеется, произошли от Адама, а жители другого как бы образовались сами собою или... Да какая, впрочем, разница, откуда взялись эти странные человекообразные?

И совсем уж невдомёк так называемому цивилизованному человеку, если цивилизованным можно именовать ограбление народов ради создания, например, этих... золотых флюгеров над шпицами Антверпена или, скажем, уравнение стоимостей средних размеров фламандского городка и тюльпанной луковицы, что Новый Свет был не столь уж не угоден Богу, и населяли его отнюдь не только животные...

– Ты успеваешь следить за ходом мысли? – осведомился Уно, глядя в странно расширяющиеся зрачки. – Только не говори мне, что я на вас, несчастных, наговариваю...

– Разумеется, наговариваете! – решительно, опять и опять наступая на грабли своей гордыни, ответила ему Эулалия. – Испания несет слово Божие тёмным народам, погрязшим в невежестве, ереси и поклонении нечестивым идолам...

– Я помню случай, – Уно уже вполне настроился на роль лектора, – когда колонисты в Перу встали перед неразрешимой проблемой, вне всякого сомнения, достойной христианина: как без ущерба для совести обойти заповеди?! Уж так им хотелось обобрать местных туземцев, да и по закону ведь нельзя просто так отнять чужое имущество... – он ухмыльнулся, – если только человек не враг Господа Бога... Они крестили этих несчастных, наобещав им Царство Небесное, а потом подкараулили за каким-то обрядом, судили и сожгли как идолопоклонников... Имущество, конечно же, поделили... Это настолько красивый способ, что даже я бы до такого не додумался!

9

Творение... Творение и конец времен. Рай и ад. Великий потоп. У всех народов есть такие сказания... И это вовсе не удивительно, если учесть, что все ныне живущие, суть, дети Ноя... Все верят и в Создателя... Везде, на всех континентах. Правда, называя Его при этом по-разному: от Иеговы и Аллаха до Ульгения и Иосена. Ибо память человеческая слаба, а человек грешен, и жизненный путь земной его становится всё короче и короче, и поколения, сменяя и сменяя друг друга, всё туже накручивают узлы времён, всё быстрее вращаются спицы великого колеса событий... Всё быстрее события прошлого уходят в небытие...

Исконные насельники этого Запада мира пришли сюда из Старого Света, но не по воде, как испанцы, норманны, финикийцы или египтяне...

Они пришли сюда посуху. Начав свой путь из Урарту, расселяясь по неизведанным землям, они прошли путь сначала по Средней и Северной Азии, оставляя по дороге свои колена, а после заселили территории обеих Америк до самого края – Tierra del Fuego, земли, описанной экспедицией Фернандо Магеллана.

Они населили всё: и тундры Севера, и пустыни Аризоны и Калифорнии, и болота Флориды, и джунгли Сельвы, добрались и до островов Архипелага, образовав племена и целые государства. И чем дальше уходили по избранному пути, чем больше сменялось поколений, тем сильнее изменялись их представления о реальности. Но, как ни странно, отдельные племенные союзы ещё сохранили отголоски веры даже в Святую Троицу, как, например, гуарани. Но это, скорее, исключение...

Аборигены – индейцы, как вы их называете, – в своё время, найдя эту землю необитаемой и первозданной, сочли, что Создатель не заселил её людьми оттого, что Сотворение её ещё не завершено и по окончании седьмого дня, дня отдыха, Он должен в неё возвратиться, чтобы завершить свой труд. Они стали Его ждать... как люди разумные, искренне полагая, что в Его отсутствие и без того богатая земля не может быть брошена Богом на произвол судьбы, что у земли этой есть Хранитель. Хранителя этого они изображали бородатым человеком со светлой кожей, рыжими волосами и голубыми глазами.

Если следовать легендам, человек этот, которого впоследствии ряд туземных культур стал самого почитать в качестве божества, несколько раз приходил к ним за предыдущую пару тысяч лет. Он научил их приручать животных, врачевать раны и хвори, возделывать маис и кукурузу, строить дороги и пересекать океаны. В последний раз он явился, чтобы заселить пустынные острова в тысячах морских миль от Чилийского побережья. Он приходил под именем Тики, и его бородатое лицо накрепко въелось в память современников и песни их потомков.

Как мы знаем, представления аборигенов сослужили им дурную службу, позволив нескольким горсткам отбросов и авантюристов, жаждущих золота, приключений и женщин, поставить на колени царства ацтеков и инков, позволили Эрнандо Кортесу заполучить престол Монтесумы и Куаутемока, а семейству Писарро – Атауальпы и Манко. И вот именно теперь есть смысл перейти к началу истории, частью которой тебе суждено было стать.

Всякая история, разумеется, если это хорошая история, начинается с рождения и заканчивается смертью... В лето этак, не помню точно какое, но еще до того, как взмыли над кронами пальм и морской гладью твердыни Гибралтара и Картахены, до того, как генерал-капитан Новой Гранады расселся на алом вельвете в Санта-Фе, примерно за сорок лет до бойни на треугольной площади Кахамарки в маленьком испанском городишке Трухильо родился мальчик. Мальчик получил при крещении

имя Алессио, и, если кому-нибудь теперь и известен, его знают под именем Алессио Вера.

Трухильо... Кто разберет, что такого особенного в этом поселении, то ли в воде, то ли в воздухе, то ли лежит на нём какое-то карфагенское, римское, готское или арабское заклятье, только городок этот исправно поставляет людей, которым дано влиять на судьбы народов. Мы больше знаем его как родину Гонсало Писарро и Франсиско Орельяна. Один из этих приятелей-пастушков стал полновластным правителем страны, павшей перед его братом, другой по воле рока на плотях пересёк четыре тысячи миль джунглей и был назначен, пусть и номинальным, наместником испанских Габсбургов в Амазонии.

В отличие от них Алессио не пришлось пасти скот. Он начал свой путь церковным служкой. Может быть, именно поэтому он рано стал размышлять над вопросами, касающимися жизни и смерти. Как бы то ни было, в недавно открытый Новый Свет он отправился помогать проповедовать слово Божие и именно там познакомился с индейскими легендами. Несколько лет бесплодных попыток огнем и мечом приобщить язычников к вере отвратили его от церковных дел, но вовсе не от мысли облагодетельствовать человечество. Для этого он принялся сколачивать состояние, и, как ни странно, в отличие от многих и многих других, ему это удалось, вероятно, потому, что золото само по себе не застило ему глаза.

Однако, став знатным и состоятельным ещё в достаточно молодом возрасте, он был сильно опечален осознанием скоротечности своего бытия... Ему была невыносима самая мысль о смерти. Вспомнив всё слышанное им от индейцев за годы путешествий о белом голубоглазом Хранителе, он оформил в голове своей представление о том, что это реальный человек, черпающий долголетие из некоего источника магической силы, например, особым образом заговорённого артефакта, амулета или даже места. Алессио Вера задался целью его найти. На это он потратил почти всё своё состояние, здоровье, репутацию, разум и двадцать шесть лет жизни... В то время, как все нормальные люди искали El Dorado, этот безумец искал призрачный оплот бесконечного земного существования...

И, самое смешное, что ему это удалось... Двадцать шесть лет убийств и пыток жрецов местных культов, двадцать шесть лет непрерывных экспедиций, двадцать шесть лет бесконечных скитаний по джунглям привели, наконец, его к подножию Священных гор... Будто мясистый зелёный занавес развёлся перед ним, и взорам путников предстала высокая скала, обрывом спускающаяся к их ногам... На вознёшемся к небу уступе они увидели какие-то постройки, оттуда же сверху из поднебесья падала вода узкой лазурной лентой и таяла в воздухе миллионом ярких брызг, не долетая до хитросплетения чаши. Вверх, к

изголовью водопада, поднимались вырубленные в теле массива крохотные ступени...

Как удалось им в доспехах и латах преодолеть неприступную кручу под покровом глубокой ночи, доселе неизвестно. Но каким-то образом они достигли цели, и нищие потомки славных кастильских и арагонских родов перебили в спящей деревеньке всех мужчин, надругались над женщинами и детьми, а поутру выбросили всех оставшихся в живых с обрыва в джунгли...

К полудню экспедиция продолжила свой путь. Ручей образовывал в скальном грунте за деревней узкую горную щель. Через полчаса ходьбы между каменных стен солдаты удачи достигли провала древней, по всей видимости, рукотворной пещеры и стали подниматься по выбитой чьей-то неведомой рукою лестнице. С нескрываемым удивлением увидели они в ярком, живом, пульсирующем свете, наполнявшем зал, громадную ступенчатую пирамиду, испещрённую рисунками и надписями. С колоссального купола над нею вниз изливалась сплошным непрерывным дождем вода...

Человек на вершине пирамиды, высохший, согбенный старик, великий воин по имени Глухой Голос, что был старше всех незваных гостей, вместе взятых, ждал их с мечом в руках, с топоробразным мечом, порождающим глубокое зеленоватое пламя, мечом, похожим на клинки воинов Тутмоса, что кромсали армии сирийцев при Мегиддо. И другой старик, Алессио Вера, застрелил хозяина источника в упор. Он не мог позволить кому-либо встать между ним и его светлой мечтой...

Дальше есть несколько версий... Либо индейцы, убравшие урожай, спустившись с плодородных террас, выбили всех пришельцев стрелами в горном коридоре... Либо, как записано в бессмертном манускрипте секретаря экспедиции – отца Андреа, обезумевшие вояки перепились воды и обратились в младенцев...

Как было на самом деле, никто уже не расскажет, только сам чудом уцелевший отец Андреа по приговору инквизиции был сожжен в Санто-Доминго де Гусман второго августа следующего одна тысяча пятьсот сорок седьмого года вместе со своей еретической книгой... По крайней мере, все так думали...

Фамилия палача была Солинас. Он, уроженец Малаги, некогда был одним из людей Кортеса, большинство из которых остались голодранцами и после подчинения Мексики. Пожалуй, единственным не пропитым с горя его военным трофеем к тому времени оказалась его жена – крещёная индеанка, дочь какого-то тотонакского князька. Она продолжала втайне исповедовать свои культы и убедила сынишку, молодого Солинаса, в день казни, пока отец будет подкрепляться домашним пайком, подменить книгу...

Сынишка этот вырос, и, как многие метисы и креолы в мире испанских испанцев, занялся разбоем... Подкопив денег на береговом

мародёрстве, он вложил капитал в чернокожую проституцию и, наконец, по-настоящему разбогател на поставках рабов из Анголы на западные плантации и изумрудные рудники. Его сын преумножил состояние отца на бриллиантовых махинациях в Португальской Индии, и уже его сын стал, наконец, уважаемым членом общества и офицером флота Его Величества...

Звали этого человека Севериано Солинас. Он за казённый счет организовал вторую экспедицию к источнику, убедив светские и церковные власти, что ищет золото, а неотёсанных спутников, что вода – страшный яд, который можно использовать в войне против Англии... Видимо, чтобы у первых не возникло желания его сжечь как отца Андреа, а у вторых, эту воду попробовать...

Тогда из джунглей вышли два человека... Вышли поодиночке. Это было в пятнадцатом году, но оба они ещё живы и, более того, находятся здесь – на борту... Один, португалец Рафаил Лукаш, заперт мною в матросском кубрике – он был проводником людей твоего отчима, другой, известный тебе под именем Херардо Грисалес, сидит, милочка, прямо перед твоими очами...

10

– Х-ха... – непроизвольно выдохнула Эулалия, и, поскольку этот многозначительный выдох явственно обязывал её к продолжению звукового ряда, комнату вполне ожидаемо наполнили её нелестные соображения, – ну Вы даёте!.. Я уже где-то слышала что-то подобное, нет... кажется читала... – в сборнике сказок. Мне ведь, как Вы метко изволили заметить, достаточно много пришлось прочитать... Фактически всю эту проклятую жизнь я выучила по слогам в печатных страницах... Но это, – побойтесь Бога, право, – Вы и в самом деле хотите, чтобы я поверила в этот... – она осеклась, проверив, не грозит ли ей что-либо непредвиденное, – в этот бред?

Уно лишь пожал плечами.

– Пятнадцатый год? – продолжала она, словно по запомненным контрольным точкам. Уно кивнул. – Пятнадцатый год!? Сколько же Вам должно быть? Восемьдесят? Девяносто?! В зеркало поглядитесь! Да Вы просто сумасшедший! – сделала вывод девушка. – И как я сразу это не уяснила!?!..

Уно был невозмутим:

– Ну вот, теперь уяснила... – он прыснул хохотком. – Можно поздравить? Стало легче? – Уно сделал паузу. – Или, быть может, это что-то меняет? Нет, в самом деле, давай предположим, что ты здесь вдвоём с психом! Ты и я! Кто меня знает, что я выкину в следующее мгновение? А? Прячь ножи и вилки, детка!

Он продолжал, на ходу переменяя тему, возвращаясь к главному:

– Я же предупреждал, что ты мне не поверишь. Но ты настояла, чтобы я рассказал всю подоплёку. Я рассказал, ты не поверила! Да, – его голубые глаза светились натужным смехом, – я вовсе не похож на дряхлый пенёк, но ты не видела и сеньора Рафаила! Вот уж кто выглядит моложаво! Больше четырех-пяти лет ну никак бы не дал мальчонке...

– Слушайте, Уно, если Вы про тех, – перебивая его, тараторила девушка, которую фантастичность рассказанной истории, казалось, убедила во всяком отсутствии какой-либо мистической подоплёки даже в присутствии на борту детей, – я больше не боюсь... Я не знаю, как эти дети оказались здесь, но...

– Знаешь... – выдавил Уно.

– ...но этому точно есть какое-то нормальное, естественное объяснение...

– Ага, матросы нарожали... – высказал он предположение.

– А Вы... Вы – проклятый полоумный детоубийца, которого покарает Господь! Я видела, как Вы выбросили ребёнка за борт...

– Ты закончила?..

– Нет! – уже просто из вредности выпалила Эулалия.

– Ладно, – Уно спокойно встал, подошел к шкафу, распахнул дверцы и начал вываливать на пол его содержимое. Закончив с первым, он принялся методично опустошать другой, потом третий.

– Что... что Вы делаете!? – округлив глаза, то ли спросила, то ли осекла его девушка.

– Как что? – методично продолжая наводить бардак в зале, ответил ей Уно. – Видишь ли, девочка, – вещи, предметы, книги продолжали тем временем лететь на пол, – ты мне не веришь, – он помолчал, – ты... нарываешься на грубость, по недомыслию, конечно, – он распахнул новые дверцы, – но всё же нарываешься... А поскольку, – новая лавина каких-то бумаг и инструментов, полетела вниз, – ты всё же умудрилась вызвать во мне жалость, стрелять в тебя или бить за непослушание, – он на мгновение обернулся, – я пере... думал. Вот, ищу доказательства...

– Чего? – издевательски поинтересовалась девушка.

– Моей истории. Только, интересно, куда он его засунул?..

– Кого, его?

– Найду – увидишь? – с вызывающей невозмутимостью ответил ей Уно, переходя к следующей стене.

– Псих ненормальный!

Уно ничего не ответил, зала меж тем начала приобретать вид свалки – то, что ночью не сделала здесь пьяная матросня, теперь, утром, вполне удавалось ему. Не найдя в утробе шкафов искомого предмета, он почесал указательным пальцем щетину небритой щеки и двинулся к последнему возможному прибежищу цели его поисков в помещении – резному письменному столу, теперь утёсом возвышавшемуся над волнами хлама. Один из ящичков был заперт, но Уно это не остановило – с треском

ломающегося дерева утлый объект плотницкого искусства очутился в его руках и был тут же отброшен в сторону, как только явил на свет сокрытый в нём до времени бумажный свёрток. Уно заглянул внутрь, удовлетворённо хмыкнул и, подойдя, протянул его Эулалии.

– Что это? – сомкнутые на груди руки девушки отказывались брать жёлтую плотную бумагу.

– Разверни и взгляни, – отрезал Уно но, не дождавшись никаких телодвижений, положил свёрток ей на бёдра, и вновь уселся рядом. – Смотри, чего ж ты ждёшь?

Эулалия, помедлив, осторожно взяла свёрток тонкими своими пальцами. Внутри оказалась всего-навсего старая книга в странном кожаном переплёте.

– Что это? – подняла на Уно глаза девушка.

– Это дневник отца Андреа. Читай. Я думаю, представительницу нации, до сих пор обалдевающей от бычьих смертей, жгущей колдунов и евреев и побивающей друг друга на турнирах во славу прекрасной дамы, старая добрая латынь смутить не должна... Хотя – тут и картинки есть.

Эулалия открыла книгу, прочитала несколько абзацев наугад, прошелестела оставшимися страницами и закрыла её:

– Любопытная, конечно, вещица. Ну и что? Я откуда знаю, что это такое?... Что-то про каких-то индейцев, кожа какая-то странная...

– Человеческая... – раздельно протянул Уно, – кожа. – И с таким подспудным горьким упреком сказал он эти слова, такой скрытой тёмной мощью веяло от них, что девушка, вздрогнув, самопроизвольно выпустила томик из узких ладошек, и тот, плюхнувшись о край дивана, упал на пол.

– В самом деле? – нарочито медленно произнесла девушка, повинувшись не осознанному ещё ею самой тайному желанию, продиктованному той горечью и болью, что она реально, инстинктивно, интуитивно иногда понимала, болью и силой, которые она почувствовала теперь в словах собеседника. – Ну, помогите же мне...

Рука её, следуя за взглядом, медленно потянулась к коврику, но внимание, цепкое, хлёсткое, точно уловило движение наклонившегося к полу человека... И, может быть, запахнутый ворот шёлковой рубахи обнажил чересчур много... Ещё мгновение... – и веер перламутровых пуговиц разлетелся по комнате...

Уно только скрежетнул зубами от хлопка раздираемой ткани и перестука белых кругляшей, отскакивающих от тёмных поверхностей – столь неприятными для него были эти звуки. Теперь он воочию мог наблюдать, как всё встаёт на свои места, какое выражение лица, какая мимика и жесты сопутствуют едкой смеси осознания кошмара и неверия событий происходящих и возвращения в память тех, что были отмечены ещё большей степенью невероятности.

– Ваша!?. – лепетала девушка, похоже, не вполне осознавая, что она говорит. – Это Ваша кожа? Ваша?

– Да, – кивнул Уно, – моя...

– Но... Как!?

– Есть лекари, что врачуют и не такое... Я как-то видел трепанацию черепа! Вот это, я тебе скажу, действительно не кисло...

– Как?! Когда?

– Я стар, я действительно очень стар... Я был там, когда Алессио Вера истреблял мой народ... Тогда... поутру, меня сочли мертвым, и потому я всё ещё жив. Здорово, правда? Надеюсь, теперь, ты мне веришь?

Девушка верила. Он читал это в раскрытой книге её зрачков, читал, как страшные мощные фигуры людей таяли на её глазах, сжимались, скукоживались в коконах своей одежды и выползали из неё ошарашенные и перерожденные: «Ай-яй-яя, ай-яй-ЯЯ, ай-яй-яя, ай-яй-ЯЯ...»

– Миленький!.. – вырвалось у неё.

– Миленький?! – скривился Уно. – Миленький! – Он чуть не плюнул. – Как вы бабы умудряетесь всё, всё что угодно, любую ситуацию превратить в глупый, идиотский и очень обидный фарс! Теперь придётся опять искать путную рубашку! – Он двинулся к двери.

– Не уходите! – с надеждой окликнула она его.

– Что ещё!?! – обернулся Уно.

– Так эти дети... там!

– Да! – с наслаждением выпалил он. – Да! Это, – он сунул рукой куда-то в воздух, с такой силой, что если бы воздух был живым существом, ему было бы больно. – Это отчаянные и жаждущие мести бунтовщики, наверное, всё ещё мучающиеся похмельем. Я ушёл за рубашкой! Всё!

– Уно!

Он вновь обернулся.

– Так этот корабль перевозит?!..

– Да! Если до тебя ещё не дошло! Этот корабль вёз в Европу Первородную воду! И величайшее счастье для человечества с тех пор, как ад был разрушен Христом, что он туда не прибудет!

Часть третья

...тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря.

Пополь Вух

11

– Миленький! Миленький!! Ми-лень-кий! – на все лады разносилось в занятом мозгом пространстве между лбом и затылком. Слова... Вроде простые, обычные звуки, но сколько в них смысла. Каким

необыкновенным, прямо-таки необычайным даром они обладают – птицами влетая в уши, они словно сбрасывают маскарадный костюм – и вдруг оказывается, что впустил ты внутрь себя не легкокрылых небесных птах, а каких-то чудовищных монстров-птичелюдей, начинающих создавать там кладки и голосить благим матом.

Эулалия... «Ты ведь знал, ты предвидел... Ты знал, что именно так всё и будет», – шелестело в районе желудка, отвечая на призывы из черепной коробки. Знал?.. Догадывался. Конечно, он думал, что не допустит эту... В общем, её... внутрь своего кокона, и, как ни странно, именно она занимала теперь его мысли. Какого чёрта?! Да, действительно, какого чёрта?!

Уно со злости высморкался в плещущуюся вокруг Атлантику и понял, что в который уже раз машинально осматривает утлую лодчонку от носа до кормы. Никакого смысла в этом уже не было. Всё в порядке. В порядке... В полном порядке. Он это и так знал, но всё же, лишний раз удостовериться не помешает.

Переход... Их ждал длительный переход. Далековато до берега. Корабль дрейфовал медленно, но всё-таки дрейфовал. Однако выбраться из цепких лап древнего Океана ещё полдела. Не попасть в цепкие лапы испанского правосудия – посложнее. Надо пробираться к англичанам, и Джеффри Симмонс вновь убьет в Уно Херардо Грисалеса, которому опять, в который уже раз, суждено пасть смертью героя в неравном бою за это брненное тело.

Ну вот, наконец-то он это сказал, наконец-то он выразил это словами, наконец-то он посмел произнести текст приговора. Кто он? Кто он? Он сам? Всего лишь – брненное тело! Тело... Оболочка, которую населяют, по очереди занимают несколько личностей, пустых и, честь по чести, довольно прескверных. Личностей, выдуманных им самим для того, чтобы не сойти с ума, компонентов игры, позволяющей ему вопреки всему верить, что ещё не всё кончено, что жить ещё стоит.

И, действительно, как-то вдруг, будто даже помимо его воли, все эти годы прожиты не зря, они были не напрасны, несмотря даже на то, что он так настойчиво, да что уж скрывать, играл с этой жизнью, чтобы не думать о своей бесполезности... И вот теперь по воле Бога случилось так, что заклятые враги нашли его сами, что он совладал и с ними, и с тропическим адом джунглей, что он настиг этот проклятый корабль.

Уно поднял голову, и мир «Санта-Моники» тяжелой уродливой тенью ворвался в поле его зрения. Это тёмное пунцово-серое пятно имени матери Аврелия Августина, застрявшее среди отливающего золотом безбрежного облачного океана, казалось ему не просто грязным, оно воистину поглощало, оно портило собою окружающее пространство. Но лодка всё ещё связана с беспомощным исполином... Связана, но ненадолго.

Корабль ещё жив, в нём теплится жизнь, в нём ещё есть какая-то немая, обращённая к нему, Уно, надежда, всё более и более призрачная и тающая, истончающаяся с каждым следующим мгновением. Галеон всё ещё таит в своей утробе девушку, посмевшую пожалеть старика – живой дышащий труп со странным именем, и две дюжины бандитов в облиии невинных карапузов. И где-то внутри пульсируют губительной силой сотни бочек, вода из которых должна раствориться под расстеленной вокруг влажной периной.

Испанский флагман доживал последние свои часы... и исполинская посуда знала, вполне осознавала это. Она была тиха и недвижна... – тусклым металлом отливали буквы на кормовом подзоре и лавровые венки пушечных портов да гигантские образы, застывшие в недоумённой печали, очами, полными утренней влаги, с пугающей высоты молча взирали вниз. Сумрачные окна кормовых залов, казалось, дрожали в звенящей тиши, каждое движение сапога, каждое перемещение тела, каждое усилие нагруженных рук нарушали ее. Уно знал причину такой дрожи. Это игра света и тени, это не стекла трепетали, это трепетало пламя.

Уно уже представлял, вкладывая мышечную силу в вёсла, как жаркая страсть сольётся в своей красоте с пожаром алой краски. Как с треском будет вырываться она из зазеркалья барочной анфилады, как маленькие, ленивые язычки станут лизать обитые жёстью тяжёлые двери и, забравшись внутрь порохового склада, возвестят об успехе на десятки миль окрест громом коллапса.

Эулалия ещё не знает об этом. Но, вероятно, тоже догадывается. Она – существо неглупое. Неглупое, в том смысле, что сообразительное. Она не знала, что послужила мотивом всей этой экспедиции, а теперь знает... И может довольно быстро сложить два и два. Как и надумать лишнего... Если бы его действительно звали Херардо, он, наверное, не задумываясь бы, её прикончил... От греха подальше...

Лопастя вёсел легко входили в податливое белёсое в отбрасываемой галеоном длинной тени туманное покрывало. Лишь тонкая плёнка отделяла теперь пугающую его бездну от взора. Иллюзия облачной беспредельности истончалась, как постепенно истончается всякая иллюзия, любая фантазия, каждое нежизнеспособное представление. Скоро, совсем уже скоро реальность ворвется сюда – в этот дикий, отпочковавшийся было от неё мирок, дабы свершился над ним её справедливый суд.

И не возникнет уже на горизонте никаких радужных павильонов, никакие каменные храмы не вынырнут здесь из глубин, никакие шаманы с кожаными расписными бубнами не протянутся рыжей звучащей каймою от горизонта до горизонта, не сложат они вокруг корабля на небесной равнине своих поминальных костров, не раскурят трубок, не начнут красочных ритуалов...

Странная сказка блёкнет и становится томительной явью. Здесь править бал будет он, Уно, только он и никто больше. Он сам разведёт здесь огонь, и не костер, а настоящий пожар, пробудит древнюю стихию, несовместимую с окружающей безбрежною гладью и изгонит прочь поселившихся здесь духов, все эти тревожные сущности, все сомнения. Уже сейчас он отмеряет, своими руками, безо всякого бубна, чёткий въедливый ритм.

Матовый металл букв навис над головой. Уно отложил вёсла и встал с задней банки. Рассохшееся дерево чуть скрипнуло, ответив ему благодарностью. Здесь, внизу, стоя у основания длинной остроконечной тени, клинком врезавшейся в яркую шкуру, сокрывшую до поры мускулатуру волн, Уно, страшный, древний, безжалостный, казался самому себе крошечной малой букашкой, меряющей ростом с колокольней. Что это? Вырождение? Самоедство? Неуверенность? Почему он здесь? Почему сам на вёслах? Где его жрецы, рабы и последователи? Где солиды и зерна? Всё закончилось? Кем он был, когда ему было семь? Неужели он – миленький? Уно смотрел вверх, но ответа не было. Как не было и Эулалии в широком проеме между резных тисовых рам.

– Эй, девочка! – крикнул Уно, взглядываясь вверх, в провал центрального окна, точно видимая картинка могла зависеть от пристальности его взгляда. Ответа не последовало.

– Эулалия! – повышая голос, крикнул он ввысь, машинально поправляя ворот белоснежной сорочки сиятельного германца. – Эулалия! Да ты слышишь меня или нет!?

– Куда она запропастилась? – проползла позади глаз мысль на нетвёрдом ещё английском, но Уно не успел подобрать ни одного возможного варианта, как над жестяным карнизом возникли знакомые локоны, плечи и бриллианты.

Бриллианты... Он их не видел, но почему-то чувствовал, возможно потому, что он знал истинную цену этих милых побрякушек, и осознание их близости раздражало рецепторы его восприятия. Он слышал, как зашелестели подвески, невидимые под призывно устремившимися к нему каштановыми прядями. Или это шелестел голос? Неужели так высоко?

Что-то шло не так... Уже... Он это чувствовал, понимал, понимал, что мир пришёл в движение, и движение это инициировал не он... Кто-то другой. Кажется, это называют предчувствием... Он чуял, как кошка, что... Из тех овечек, что рушат все планы... Что за мусор в голове?

– Говори громче! – крикнул он вверх, – я тебя плохо слышу!

Да, это её голос и лишние граммы портвейна. Он понял это и внутренне улыбнулся. Надо думать о хорошем, о будущем. Он ещё не знал, что именно должно быть хорошо, но впервые за многие годы при мысли о будущем ощутил в глубине груди, где-то между лёгкими, – свет.

Ощущение было светлым. Наверное, от возможности принести пользу людям...

– Я здесь! – громче крикнула вниз Эулалия. – Я нашла апельсины и лимонад!

– Хорошо! – ответил ей Уно. Он не покривил душой. Апельсины – это действительно неплохо. От несостоявшегося праздника в кают-компанин осталось еще полно съестного – незачем лезть на камбуз. Однако китайских яблок среди следов ночной вакханалии он не приметил.

– Со спуском пакетов справишься?

– Да! Они маленькие! Но с водой...

– Воду я сам спущу!

Уно веслом выровнял лодку, и первый перевязанный холстом сверток начал плавный путь вниз.

12

Когда порыжелые от южного солнца волосы Уно скрылись по ту сторону подоконника, девушка осталась одна. Несколько кратких мгновений она стояла неподвижно, опираясь рукою о лакированный краешек столешницы, потом сморгнула и оправила чёлку. Надо разобраться. Надо. Во всём... Но это совсем не просто...

Острый мысок тупфи легонько толкнул один из лежащих на полу увязанных холщовых пакетов. Покидать корабль... Это безумие. Безумие какое-то. Но и оставаться здесь – тоже никак нельзя. Она начинала это понимать. Она переводила взгляд по зале из края в край, из конца в конец, от одной распахнутой двери к другой... Они с Уно перевернули здесь всё в поисках готовой, хорошо хранящейся и калорийной пищи. И теперь найденное было аккуратно упаковано её не по статусу умелыми девичьими руками и сложено у её ног.

Она перевела взгляд влево. Император таинственно шурился куда-то мимо покатых её плечей... В горностаевой мантии, тончайшем брабантском кружеве и расшитом галунами камзоле нёс он на своём челе печать горделивого одиночества, и печать эта была тем явственнее, чем более несурозной казалась над завитым его париком корона богемских королей и заснеженные кровли Пражского замка. Тёмный лик августейшего деспота был неподвижен, ни одна черточка его не выражала удивления при виде тяжких и необратимых изменений музейного пространства.

Эулалия стояла посреди свалки, возникшей из кичливого совершенства комнат прямо на её глазах, разраставшейся сперва при опосредованном, а затем и при непосредственном её участии, подобно раковой опухоли, и, наконец, поглотившей и разрушившей весь питавший эту опухоль организм. Всё, все вещи и предметы здесь уже не жили, они мелькали, проблёскивали в общей сумятице странным своим подобием существования, почти равнозначным умиранию. Почти... Но не вполне.

Зло. Она его чувствовала, ощущала самыми порами кожи. Зло поселилось здесь. Теперь она понимала это. С первым гвоздём, вбитым на верфях Кадиса, с первым взмахом топора лесоруба этот корабль был создан, чтобы творить зло. И он его творил. И преуспел в этом творении...

– Сполох! – перед глазами девушки промелькнуло пламя, быстро, резко, из угла в угол. – Да, – подумала Эулалия. – Не пытайся уйти от ответа. Ты будешь, будешь сожжён за свои грехи. Я это вижу... И теперь всё понимаю.

Мыски туфель двинулись к двери, единственной закрытой двери, двери в помещение, куда она до сих пор войти не решилась. Чуть скрипнули кованые петли, чуть одарила прохладой золочёная ручка, чуть-чуть не коснулось лица рождённое резным полотном дуновение...

Девушка стояла на пороге спальни, опираясь о косяк довольно долго, как ей показалось, на самом деле не прошло и секунды, как она сделала следующий шаг. Мрачная спальня отца с каждым шагом её наполнялась жизнью. Но это была её жизнь. Она сама отдавала её этому большому неуютному и, как оказалось, ещё и страшному помещению, которое раньше никогда не представлялось ей таковым. Ныне, Эулалия чувствовала, – оно её убивало, и жизнь царила здесь лишь в пространстве её тепла, её дыхания и переносимого ею самой смысла. И, вероятно, – она ещё не вполне осознавала это – вполне, вполне вероятно, что теперь на всём пространстве между Майами, Сан-Хуаном и Бермудской грядой это был единственный смысл.

Она шла медленно, без палки, скособочась, и движения её, ограниченные располосованными книгами стенами, казались Эулалии томительными, нестерпимо медленными, будто и не шла она, а проплывала свой путь в вязкой, неестественно плотной среде, словно пыталась выбраться на воздух, утопая в чане с пальмовым маслом, или скрыться, убежать в сновидении от призрачной догоняющей её сущности. Но здесь она не могла проснуться.

Помещение это, просторное и низкое, выполняло на борту роль библиотеки, вернее, книгохранилища, ибо здесь не было ни диванов, ни кресел, ни даже стульев. Это был, по сути, гигантский стенной шкаф, кладовая, где хранились толстые, обернутые кожей фолианты, громадные папки и ворохи каких-то бумаг. Свет, должный проникать сюда через стеклянную кормовую стену, ныне был остановлен ещё на подходе ниспадающими до наборного пола тяжёлыми бархатными шторами. Одиноким фикус в плетёной кадке жалостливо воткнулся своими листьями в неподатливый материал и чернел в оранжевом ореоле.

Другая стена открывала меж стеллажами широкий провал арки входа в часовню; над входом издевательски щерилась мексиканским золотом надпись: «Solo Dios basta». Где-то, в мрачной глубине придела, случайный мутный луч, заглянувший из щели потолочного люка,

выхватывал из шевелящейся мглы драгоценные иглы тернового венца и кусок фразы Пилата.

Это, действительно, была спальня? Да! К углу, образованному стеллажами справа, была придвинута узкая походная кровать с порванной кем-то москитной сеткой. Рядом, в направлении нечёткой полосы от дверного проёма, у изголовья, стоял маленький красного дерева столик, обычно служивший подставкой под «Первую декаду» Макиавелли, глубокое блюдо с фруктами и серебряную флягу с лимонной водой. Пошёрканная эбеновая трость была прислонена тут же.

На кровати в странной позе, словно сброшенное кем-то невидимым с высоты, лежало тело в зелёном, здесь, разумеется, фактически сером, но Эулалия помнила, что он зелёный, мавританском халате. Выделяющиеся огуречные формы (их цвета девушка не помнила), казавшиеся совсем чёрными, придавали ему сейчас несколько нелепый и оттого ещё более жутковатый вид.

Дойдя до конца светового коридора, незваная гостья остановилась на середине комнаты. Открытые глаза вице-короля, отупело взирающие сквозь дыру в пологие на чёрный потолок, были едва различимы, но тишина была настолько щемящей и всеобъемлющей, что казалось невероятным кошунством издать здесь любой звук, даже дышать было неумоготу, поскольку дыхание слышалось чересчур громким, способным вдруг потревожить сон царственного покойника.

Эулалия вышла из полосы света, сделала несколько шагов к кровати, но, не посмея подойти ближе, начала по кругу обходить постель, стараясь не шуметь, не дышать, глядя, не сводя глаз с белёсого полога и... Она о что-то запнулась, что-то мягкое и податливое... Дико взвизгнув от неожиданности, девушка пошатнулась, неловко наклонилась вперед всем корпусом и, не найдя точку опоры, упала на пол, локтем задев за край стоящее на столике блюдо. Блюдо тоже рухнуло и с глухим гулом поехало по полу, вывалив ей на платье горку тут же раскатившихся апельсинов и чего-то влажного, оставшегося на ткани и ладонях... Запнулась! Что это было? На полу? Маленькое, податливое, мягкое... Неужели... котёнок?..

– Это тапок, дочка! – подбородок дона Паскуаля дрогнул и наклонился вбок, так, что взгляды их встретились. – Забыла, что у меня аллергия? Ты меня перепугала! Не ушиблась?

– Нет, не ушиблась, папа, – ответила девушка, переворачиваясь и неуклюже пытаясь подняться. – До свадьбы – заживёт!

– Что ты здесь делаешь? – насторожился вице-король. – Тебя не должно здесь быть, дочка...

– Я знаю, – перебила его Эулалия, наконец, поднимаясь на ноги и садясь на край зелёного халата. – Я пришла попрощаться!

– Прощаться? – удивился вице-король. – Не ожидал, что ты сможешь! Или захочешь!

Эулалия помолчала секунду, не сводя взгляда с заострившихся черт.

– Я многое могу, папа... И это дар, я теперь понимаю это, это дар мне от Бога... И всё это – тот случай, – медленно и очень отчетливо говорила она отцу. – Я пришла ещё раз сказать Вам, что Вы не должны были себя казнить... Я сотни раз говорила Вам, что Вашей вины в этом нет и быть не может. Это просто слу... – сжавшаяся в кулак рука резко опустилась вниз с такой нечаянной силой, что в груди дона Паскуаля что-то хрустнуло. Но девушка даже не обратила на это внимания, она продолжала. – Это должно было произойти так или иначе...

– И?... – звук был такой, словно в легких вице-короля внезапно закончился воздух.

– И я хочу спросить, Вы из-за меня затеяли всё... Ну, всё это?

– Из-за... – вице-король как будто делал попытку вдохнуть, но у него не получалось. – Я должен был всё исправить, понимаешь?..

– Нет, – отстранилась Эулалия. – Не-ет... Не надо мне этого говорить... Я Вам не верю, не надо мне...

– И я хочу, дитя моё, чтобы ты дала мне слово, – всё труднее и натужнее бормотали губы, что ты сойдёшь на берег и возьмёшь то, что я сохранил для тебя...

– Отец!..

– Не перебивай, почему-то трудно говорить... Вода во фляге, это не для них, это – для тебя, только для тебя... Они не должны найти... – бормотание стихало. Во фляге... Обеща...

Он спрятал, только для неё. Во фляге. Воду. Что, ту самую? Которой полные трюмы? Бред. Или не бред? Но почему? Неужели он предполагал, что?.. Эулалия взяла в руки тяжёлую круглую флягу. Орнамент терялся в сумраке, но она знала, что на круглой серебряной щеке герб последнего инкского правителя чётко как приговор. Если отец и задумал бы что-то спрятать, он положил бы у всех под носом, прямо на виду, так, что никто по сто раз за день проходя мимо, и не догадался бы, где искать. Прелести Макиавелли... На флягу с лимонадом не подумал бы никто. Эулалия откупорила крышку, понюхала узкое горлышко. Там не лимонад...

– Эй, – как из другого мира, стукнулся в уши чей-то неожиданный призыв. Эулалия резко, почти инстинктивно вернула крышку на место.

– Прощай, папа! – тонкая рука закрыла глаза вице-короля. Остался лишь его подарок, то, зачем она сама никогда не спустилась бы в трюм, противоестественный шанс изменить свою жизнь... Нужен ли он ей? Знала ли она это? Если нужен, то зачем были все эти годы лишений? Она не хотела думать об этом... Но чувствовала – с каждым шагом к манящему дверному проёму, очерченному голосом Уно, что-то явно теряло в цене... Ценность этих лет или ценность жизни отца... Одно из двух...

– Эулалия! – голос снаружи звучал отчётливее и нетерпеливее. – Эулалия! Да ты слышишь меня или нет!?

– Я здесь! – высунулась девушка из окна, но звуки её речи, казалось, остались в тёмном покое.

– Говори громче! – задрал кверху коротко стриженную, под парик, голову, крикнул ей Уно. – Я тебя плохо слышу!

– Я здесь! – справилась с мыслями и связками Эулалия. – Я нашла апельсины и лимонад! – будто в оправдание своему отсутствию сообщила она.

– Хорошо! – судя по интонации, Уно было наплевать. – Со спуском пакетов справишься?

– Да! – прикинула девушка. – Они маленькие! Но с водой...

– Воду я сам спущу!

Эулалия отошла от кромки подоконника, подняла один из пакетов и перевязала приготовленной веревкой. Надо убираться отсюда – думала она. Здесь больше ничего нет. Ничего, кроме смерти... А умирать ей ещё рано. Может быть, отец прав, и ещё удастся пожить?.. В самом деле, – пускай это будет никчёмная история...

13

– Дбддз-ннн... Уауау-ааа, – пропел дамаск, входя в панель, стыдливо прикрытую тонким китайским шёлком, извернувшись, подобно аспиду, которому прищемили голову каблуком.

– А вот это дрянь, – кивнул Уно Эулалии, – ловко вытаскивая из осыпанных рубинами ножен дорогой шамшир. Судя по холодному и немного странному и водянистому отблеску, порождаемому поверхностями её глаз, было совершенно очевидно, что сейчас уж что-то, а качество клинков из адмиральской коллекции девушку точно не заботит, а беспокоят её вещи совершенно иные и притом беспокоят серьёзно. Рассудив именно так, Уно нервно кашлянул, прочищая горло, и крутанул пару восьмерок. – Как есть дрянь, – и дорого, и толку мало. – Сабля тоже отправилась в стену, но на сей раз тупой конец лишь скovyрнул кусочек лака, и изделие турецких оружейников, отскочив от панели, улетело куда-то под стол.

– Слушай, расслабься! – обратился Уно к девушке, присевшей на крышку клавиатуры венского клавирина, высокого и ровного, как плато Святого Духа. – Не надо вот так молча меня разглядывать, – ей-богу, этот немой наигрыш действует на меня ещё хуже, чем твои истерики!

– Я думаю, Уно, – с бесцветным нажимом ответил ему зомби из Западной Сахары по имени Эулалия, и при мысли, что существо это, действительно, способно думать, непроизвольно дёрнулись его плечи.

«Уж лучше бы она просто тупо на тебя пялилась», – пронеслась мимо ушей торопливая мыслишка, как нашёптываемый кем-то призрачный говорок, заставляющий вздрагивать, но отнюдь не прислушиваться.

– Что ж, не буду мешать... продолжай... – пожал он плечами, отвлекшись на ускользнувшую мысль. – Мне всё равно...

– Вы лжѐте... – в той же раздумчиво-меланхолической манере ответила девушка, медленно, словно читая по строчкам невидимый ему, едва различимый и ею самой текст. И неспешный тон этот, напомнив речи старинного его друга, заставил его инстинктивно воссоздать там внутри и воскресить в ячейках памяти желтоватые белки, которыми Эулалия будто бы глядела на него на палубе. От этих звуков и воспоминаний, связанных с ними неразрывно, прикосновения ледяных пальцев пробежали по его спине и исчезли в корнях волос...

– Что? – машинально расправляя плечи в явном намѐке, Уно тем не менее предпочел бы сделать вид, что не расслышал её слов. Но рассудок явно не поспел за телодвижениями...

– Вы мне лжѐте, Уно, – словно в насмешку, куда более чѐтко повторила Эулалия. – Раньше я испугалась, а теперь понимаю и вижу это, хотя и не вполне ещё ясно и чисто. Вы чего-то страшитесь, на что-то надеетесь, и эта надежда заставляет Вас лгать мне.

Уно сморгнул и весьма деланно улыбнулся её поступку, как старший брат, что прощает дерзкую выходку младшей сестре:

– Не бери в голову и не принимай близко к сердцу... – она явно уже не считает его, миленького, угрозой. – Мои страхи, – он, кажется, успокаивал сам себя, перед лицом внезапной и окончательной потери авторитета, – это моя забота...

– Тогда чего мы ждѐм? – словно очнувшись от транса, резко перебила его Эулалия. – Все сделано! Лодка готова...

– Я не готов, – просто, но уже с явно читаемым вызовом ответил ей Уно, не удержавшись от язвительного выпада, – цыганочка ты моя! А ты? Ты готова?

– Я попрощалась с батюшкой! – выдохнула девушка.

– Вот оно что! – протянул Уно. – И хочешь убежать поскорее, и гори оно всё огнѐм!? А вот я, дорогуша, еще не распрощался со своими демонами! Но... – его взгляд упал на фантасмагорические латы в углу, – кажется, вот-вот с ними распрощаюсь!

Несколько шагов, и плетѐная рукоятка тати приятно ощекотала его ладонь. Меч – искривлѐнный, лѐгкий, изящный иноплеменник – неслышно, почти беззвучно, с тихим и приятным слуху шелестом выпорхнул из черепаховой своей оболочки. Уно перехватил рукоять двуручника другой ладонью, поставил его вертикально, остриѐм в потолок, и отнес к плечу. Невесомость оружия завораживала... Уно сфокусировал зрение на полированном металле и в двадцать восемь зубов ухмыльнулся своему отражению. Клинок глядел на него его же глазами. То, что нужно... Опустив меч горизонтально, по уровню век, он убедился в совершенстве его пропорций. Воистину, мастера из страны Ниппон – знатоки своего дела! Жаль, не ведают, что их земли принадлежат... Что их земли Борджиа отдал португальцам... Видимо, – он полоснул клинком по портрету Леопольда Габсбурга, и тот разъехался рулонами к виньеткам

багета, обнажая пушистые скопления пыли, – к счастью для португальцев...

– О, да! – резюмировал Уно свои ощущения. – Только взгляни на это, девочка!

Эулалия глядела, но вряд ли разделяла его восторг. Она следила за умелыми и ловкими движениями своего спутника без какого бы то ни было энтузиазма, даже едва ли не внутренним своим зрением. Она сидела на краешке драгоценного инструмента, маленькая в этом нелепом платье с пятнами грязи, чьей-то крови и пурпурными сполохами каких-то фруктов. Испорченные вчера ещё фижмы придавали юбке сходство с исковерканным бурей зонтиком, каблучки туфель упирались в грязный рваный подол... С лохматыми прядями, синяками и кровоподтёками... – исковерканная ребёнком кукла, словно в насмешку вынутая кем-то из мусорной корзины... Кукла, вокруг которой плясала иноземная сталь в руках нетрезвого бретёра, а она уже знала то, чего не знал ещё он, и потому не боялась, она смотрела на него неподвижным кукольным взором, она оглаживала за спиной четкость линий издевательского герба на серебряном боку одутловатого сосуда... И ощущала его, Уно, лишь средством, чувствуя, как всё вновь после кошмара последних суток становится на свои законные места... Португальцы? Да! Португальцы... И Рафаил Лукаш – португалец...

– И Вы так просто пойдёте и нарежете их? Их всех? – будто невзначай осведомилась она.

Клинок остановился в замахе, словно опомнившись и устыдившись своей обнажённой натуры.

– Ты за кого меня принимаешь, Эулалия? – Уно назвал её по имени, что, пожалуй, впервые не показалось ей неестественным. – За мясника? Я ведь, кажется, уже говорил, что не являюсь представителем вашей благословенной нации! Конечно, я буду мучиться!

Эулалия промолчала, он не мог этого не слышать во вздохах расчленяемого воздуха.

– Слушай, – начал он, опуская остриё в пол, наподобие трости, с расстановкой, даже несколько деловито, что явно свидетельствовало о неудовольствии, о нежелании растолковывать девочке вещи сами собой разумеющиеся, – я действительно не мясник! Именно поэтому с ними и надо покончить... И быстро! Ты ведь не предлагаешь взять их с собой!? – он даже изобразил жест, намекающий на снисходительную откровенность. – Я собираюсь отправить эту посудину к праотцам... – Эулалия молчала, слушая. – А взрывному делу, к сожалению, не обучен... Вот, не довелось, знаешь ли... Поэтому я просто её подожду! Ты хочешь для них такой смерти? Долгой и мучительной?!..

– А почему, – словно подводя итог не под его словами, а под собственными мыслями, начала девушка медленно, – нельзя отсюда просто, – она выделила это слово – «просто», – уплыть?..

– Да потому что... – он заговорил резковато, но сдержался, – он начал себя сдерживать, хотя эти проявления, как ему казалось, инфантильности и бесили его, – это ничуть не лучше, да и на корабль этот кто-нибудь может наткнуться... Маловероятно, конечно, но, тем не менее, это так... – он, казалось, и не заметил, как в голосе его самого зазвучала потусторонняя глубина. – А я вовсе не для того... Не для того это всё затеял, чтобы...

...И глубина эта промелькнула и исчезла, а внезапное понимание, что он ляпнул чересчур, непозволительно много, ляпнул лишнее, осталось, перерастая в частокол её острых зубов.

Слова накрыли её мгновенно.

– Это ты! – плеснула она в его лицо ядом осознания очевидного, но доселе ещё сокрытого пеленою фраз и обстоятельств.

– Смотря, что ты хочешь этим сказать! – в тон Эулалии – отпираться было бессмысленно – парировал Уно.

– ...и это ведь твоя лодка! Ведь так? И ты всё это устроил!.. – едва не срываясь на крик, ткнула она в его направлении пальцем.

У Уно даже отяжелела челюсть от неожиданной потребности оправдаться, родившейся где-то внизу живота, но он усилием воли подавил эту обременительную необходимость:

– Нет, а чего ты ожидала?! – рявкнул он. – Чтобы я позволил вашему Рудольфу, сотоварищи, кроить карту Европы?! Или, чтобы такие, как тот вон австриец, – он указал взметнувшимся лезвием куда-то в пылевое скопление, – вечно правили миром?.. А может, чтобы народы склонились перед новой бессмертной расой... Или узрели новое рукотворное божество из плоти и крови? Ты думаешь, – он в мгновение ока оказался рядом и заглянул в заливаемые мутью зрачки, – что вы все остались бы живы? Ты, правда, так думаешь?

Он помолчал секунду, пристально и подавляюще глядя на явно ожидавшую других действий и потому не нашедшую подходящих звуков для с убийственным свистом выходящего из лёгких воздуха девушку:

– Тогда ты, действительно, дура! – резюмировал он свои наблюдения. – Галеон сразу же по прибытии и разгрузке по приказу того же Рудольфа послали бы к чёрту на кулички, где он со всею командой канул бы в вечность, а вас всех – незадачливых свидетелей – перебили бы в два счёта, ведь твой папочка был уже никто... – он собрался с духом, чтобы расхохотаться, что не вполне у него получилось, – совсем... А ты не знала? Он плыл в Испанию по приказу короля...

Эулалия слушала и каменела, чувствуя как под действием вминаемых в уши латинских букв, страхи и сомнения истаивают, мельчают и остывают, оставляя по себе лишь твёрдый и холодный пласт отсутствия колебаний и рассуждений; слушала, слыша и удивляясь этому, но еще не до конца сознавая, что и впрямь верит складывающимся из букв словам:

– Ждешь благодарности?.. – она сжала кулачки, ощущая как черты, наполняясь мертвящим растительным ядом, превращаются в суровую и бледную индейскую маску возмездия.

– Признаться, да! – повея подбородком, съязвил Уно. И маска вдруг ожила прилившей к щекам кровью...

– Из-за тебя мой отец мёртв, паскуда! – набросился на него обычно неприметный пушистый котёнок, выпуская доселе сокрытые в мягких подушечках лапок острия.

Импульс родился в мозгу Уно много быстрее, чем коготки Эулалии успели коснуться его лица. Костяшки всё ещё обнимающих рукоять тати пальцев вошли в её щёку, как скалка в дрожжевое тесто. Девушку снесло, словно порывом шквального ветра, и под хрустальный звон лопающегося стекла вмяло в ближайшие дверцы.

И вот теперь, когда последняя капля переполнила чашу его, как после ему самому казалось, почти нечеловеческого терпения, с кривым мечом в руке нависло над Эулалией, нет, не тело Уно, не вселенское зло, не облечённое в плоть наказание, слепое и алчущее мяса, а древнее, как мир, существо, не дурное, не доброе, но безразличное в своем гневе к её, да, в общем, и своей будущности и оттого ещё более страшное. Эулалия, приходя в себя, кожей чувствовала, как оно наполняло комнату собою, своими отблесками и отголосками, голосами, шепотками и материализовывающимися по углам и в разных частях громадной парадной залы чьими-то мыслями и странными символами, шлейфом клубящейся вокруг и скручивающейся узорами темноты, резко диссонирующей с рыжеватыми короткими волосами и гневным блеском голубых глаз.

– Да как ты смеешь! – ворвался ей прямо в сознание нечленораздельный гул из невероятного перемешения звуков «А» и «Я». – Ты, мошка, тля, пыль! Я Тики, я Кетцалькоатль, я Великий Отец народов... Это моего прихода ждал Монтесума! Я родился раньше Мафусаила, жалкая падаль!..

– Ты – нелюдь! – медленно приходя в себя, пробормотала девушка.

14

– Ты – нелюдь! – из уголка губ сочилось что-то пахучее, сладковатое и неприятно ссыхающееся на тёмном бархате.

– Нелюдь, нелюдь, нелюдь... – эхом отдавалось по стенам гигантской комнаты, – мяса, мяса, мяса, – нестерпимой громкости хоровой шёпот и гул ломились в уши...

– Нелюдь?! – переспросила сущность, называвшая себя Уно. – Ты права! Во мне мало уже человеческого. – Уно присел на ситцевую, в райских на розовом фоне птицах, сатиновую обивку дивана, и где-то в глубине тяжело, как под непомерным грузом, охнули от неожиданности стальные спирали пружин. И вздох их заставил умолкнуть

разыгравшуюся в четырёх стенах стихию, отпрянувшую к дверям и углам, но не исчезнувшую, а затаившуюся и готовую прыгнуть, смять и поглотить Эулалию в своем жадном и ненасытном чреве. – Кто ты? – спросил у девушки Уно почти дружелюбно, отложив кованую, бритвенной остроты полосу на тонкую для неё и такую беззащитную обивку. – Кто ты? Меня не покидает чувство, что я тебя знаю...

Эулалия скривилась от нахлынувшей боли и поняла, что ответить ей придется:

– Я, урождённая герцогиня Эулалия де Мендоса, падчерица и милостью Его Величества и Господа Бога наследница перуанского вице-короля... А вот ты, ты, что ты такое?!

Новая волна боли прокатилась по телу.

– Зови меня... – Уно, – был ответ. – А ты... ты нечто, много, много большее, вот только никак не могу вспомнить – что? Мы уже встречались с тобою когда-то прежде. Вот только – где и когда?

– Я бы запомнила! – ответила девушка, сжимая зубы в предчувствии.

– Да неужели... – промял плечи собеседник, но нового удара не последовало. – Нет, нам суждено было встретиться... Ты ведь видишь, слышишь и чувствуешь весь этот «плач и скрежет зубом». Значит ты не так проста, как кажешься сразу... – он помолчал. – А Рафаил Рохаш Лукаш, последний из тех, кто знает ещё про источник, кто ещё жив, и он умрёт, но я буду как никогда милосерден, он умрёт быстро и почти безболезненно. И вот тогда мы отсюда уйдём...

– С тобой? – взвизгнула девушка под пристальным голубым взглядом.

– А то с кем же?! – полуутвердительно ответил Уно. Я обещал это одному хорошему человеку, равно как и пинту воды...

Эулалии мнилось, что она бредит:

– Ты устроил всю эту резню, потому что одному хорошему человеку обещал... меня!?! – горловой выдох в других условиях означал бы смешок. – Ты меня обещал хорошему человеку?..

– И еще пинту воды, – поправил её Уно.

– В обмен на что? – освобождаясь из ослабевших объятий его воли, поднимая голову и кладя её на стенку шкафа, поинтересовалась Эулалия.

– А на всё это, – развел руками в стороны Уно, – на этот корабль, на этих людей, на все полные призрачной жизнью ёмкости в трюмах. В обмен на весь этот мир, что останется теперь прежним и неизменным, и, что самое главное, – в обычном своём страхе, страхе смерти, страхе Адама, в первородном и деятельном страхе перед вездесущим и всепроникающим временем... – он помолчал, раздумывая. – Честь по чести, сначала я и не думал исполнять обещанное, но... ты мне приглянулась... Всё-таки, твой котёнок сослужил тебе неплохую службу, заставив меня проявить к тебе жалость, и потому ты должна быть ему благодарной, равно как и мне... – Он улыбнулся ещё дружелюбнее.

– И кому же я так понадобилась? – с неким подобием иронии пробормотала девушка.

– Об этом я расскажу тебе после... как-нибудь после... Главное, ни о чем не беспокойся – никаких шрамов не останется, никаких увечий не будет, несколько лет ожидания, всего несколько жалких лет, и с твоим умом, именем, богатством и телом ты будешь самой желанной и ослепительной невестой римского мира!

– А что взамен?

– Ничего, в этом-то вся и прелесть! Это подарок... тебе от меня! Не правда ли, я умею быть милым!?

– Не то слово... – Эулалия отёрла лицо ладонью. Ладонь стала багровой.

– Умеешь... Милым и, главное, щедрым, – бормотала Эулалия, а про себя добавила, – ...образина.

– Эулалия разгневана! Ладно, переживём... – резюмировал Уно, – не впервой. Что у тебя там, фляга? – увидел Уно серебряный кругляш. – Надо же, и рисунок знакомый... Эмблемы царственных мертвецов приносят несчастья, девочка.

– Учту... – приподнимаясь на коленях, ответила Эулалия, поднимая лежащую на ковре, среди стекла и бумаг, у самого её подола, полированную ёмкость.

– Я полагаю, это тот самый лимонад и есть?

– Что?! – не поняла девушка.

– Это, говорю, и есть тот самый лимонад, что ты нашла? – задал Уно вопрос, куда более развёрнутый.

– Да, – соврала Эулалия, – тот самый.

Уно поднялся с дивана.

– Дай сюда... – прошелестел его голос.

– Зачем? – девушка машинально убрала руку с флягой за спину, пытаясь подняться на ноги.

– Это то, что нужно, – комната поплыла перед её глазами, – что нужно, что нужно, что нужно, то, что нужно... – Разбитая голова отказывала в пространственной ориентации.

– Это то, что мне нужно... – твёрже повторил Уно, и тьма по углам вновь начала приходить в движение.

– Лимонад? – переспросила девушка, тяжело плюхаясь в кресло и прижимая пальцы ко лбу окровавленного лица.

– Да нет же, дурёха! – осклабился Уно ее вопросу. – Что, совсем нехорошо?.. Ну, извини, рука у меня тяжёлая. Хотя, только благодаря этому я и выжил при Армагеддоне. Мне нужна сама фляга. Я же сказал, надо взять с собой пинту воды...

– Это в дорогу! – последний аргумент утонул в бурном потоке перепутавшихся мыслей, из которых родилась одна, одна единственная, мысль, вдруг водрузившаяся сверху замковым камнем или наконечником,

верхушкой их пирамиды. И эта мысль была бессловесной, она, как животная тварь, не обладала своим характерным только для неё говором и речью, но она возникла и осталась существовать где-то внутри. Это была возможность.

– Хоть не выливай, – тоном обречённого на подчинение человека продолжила Эулалия через секунду, соотнеся речь свою с этой, порождённой самим её искалеченным существом мыслью. Это была возможность, чудесная, сладкая возможность, поквитаться за всё: за отца, убитого пьяными бунтовщиками, за сотни преданных присяге офицеров, солдат и моряков, за эту величественную, вопиющую в своём безмолвии посудину, сотворённую трудом и потом нищих людей, за свою опоганенную жизнь, за свои искалеченные ноги, за выдранные волосы и изрезанное лицо, за насмешки и побои, за воинствующее презрение к испанской расе, за все эти чёртовы, будь они трижды прокляты, сутки... Возможность как следует отблагодарить сукиного сына... Очень своевольной и властной, и притягательной была мысль, что взметнула её руку и язык в обход разума, рассудка... и даже инстинкта...

– Ты права, – улыбнулся Уно, словно желая сгладить шероховатости. Он взял протянутую ему флягу, откупорил плотную крышку. И живительная влага серебряным, весёлым водопадом полилась вниз... В копошащуюся сельву джунглей, в ядовитое переплетение змееподобных лиан, в салатовость тарельчатых листьев и икебаны райских растений – этот бессмертный, жутковатый и сильный мир, дикий и прекрасный в мнимой своей беспределности... Ледяной водопад смыслов – что-то знакомое... что-то до боли знакомое... до боли... до одурения...

– Это не лимонад... – засвербило где-то внутри, – но как же? Как же так? Как она посмела его обмануть? А если не лимонад, то?.. Что?.. Неужели?.. А если это вода, та самая, то? Уно, отнимая горлышко от влажных губ, вопросительно уставился на Эулалию и в ошарашенной кровавой маске прочёл ошеломлённое и ещё недоверчивое, злорадное удовлетворение. Он почувствовал, что и спрашивать ничего уже не нужно, что на любой вопрос, который сейчас может прийти на ум, она ответит ему: «Да!»

И тем не менее он спросил... Он не мог не спросить... видимо он хотел услышать, убедиться в своей правоте, совершить действие, способное доказать ему, что «Да!», действительно: «Да!» и ещё сотни и сотни миллионов раз: «Да!»... Он всё ещё человек!

Он хотел спросить, но звуки не шли на язык.

– Не лимонад?! – выдавил он, наконец.

– Да! – ответила Эулалия.

– Что, совсем!? – он был благодарен судьбе, что хотя бы этот, очаровательный в своей бессмысленности, вопрос сорвался с его уст.

– Да! – ответила Эулалия.

– Это... то, что я думаю?!

– Да! – Эулалия, казалось, получала от этого слова такое же удовольствие, как и он, спрашивая об уже очевидном.

Черты девушки посуровели, и рецепторы спины его и висков, и самой маковки коротко стриженной головы, и всей кожи – от пят до кончиков пальцев – дали ему знать, что тьма отступает, что клубы её сквозняком утекают сквозь мелкие щели и пространства за плинтусами, через отверстия замочных скважин и вентиляционных каналов... Он чувствовал, как утекала его жизнь, его привычная жизнь, утекала его постылая и такая дорогая жизнь...

– Ты же... Ты же убила меня, подлая... подлая... – он так и не подобрал нужное существительное из накопленного тысячелетиями матерного словаря, – ты же убила... нас!..

– Ну и пусть... – безо всякого пиетета молвила Эулалия, освободившись, наконец, от тяжелых оков. – Передавай привет хорошему человеку!

С этими словами она поднялась на ноги с розового, в птицах, кресла и по стене и шкафам, и тяжёлым резным буфетам поползла прочь из парадной залы покойного графа Рудольфа фон Бауэрсбаха, которому так и не суждено было в насыщенной событиями земной его жизни достичь апофеоза – стать воплощенным божеством.

Оставшийся соляным столпом посреди комнаты Уно ей не препятствовал.

15

– Знаешь, Эулалия, – Уно заговорил не сразу, облокотившись рядом на полированные перила полубака и устремив мысли вдаль, – я бы хотел умереть не здесь...

Девушка молчала, и в сравнении с нависшими над головою громадами безжизненных парусов молчание представилось ему лёгким.

– Кстати, тот человек был твой отец... Тот человек, с кем я договорился... Потому и лодка привязана прямо под окнами его кают... Тебе не интересно?.. – осведомился он, понимая, что она никак не реагирует на его слова.

– Это уже не важно, – всё же откликнулась девушка.

– Да, наверное, – согласился с нею Уно.

– Долго ещё? – спросила Эулалия, повернув к нему посветлевшее лицо.

– Не знаю, – ответил ей Уно, – всякий раз бывает по-разному. Никогда не угадаешь.

– И много раз ты уже проходил через это?

– Да, – ответил ей Уно. – Очень много... Иногда мне кажется, что даже слишком. Было время, когда я хотел, чтобы всё уже поскорее закончилось!.. А ты не желаешь попробовать?.. – спросил он её после короткого раздумья.

– Нет, – отозвалась Эулалия и улыбнулась вдруг пришедшей в голову мысли. – Я ещё достаточно молода...

– Нет, – продолжил Уно прерванные свои размышления, будто и не понял всей иронии произнесённой фразы. – Я бы хотел умереть не здесь...

Знаешь, на просторах великого Южного Океана есть благословенный остров, он, наверное, ещё не известен вашей, хотя... скорее уже, нашей, цивилизации. Я был там однажды, я вёл к нему свои плоты, способные преодолевать моря и бороться с течениями и штормами, и силою волн. Я назвал его Рапаити. Это было очень давно, но вспоминается как сейчас, как будто было только вчера... А может быть, мне это лишь снится...

Я помню зеркальную небесно-голубую лагуну, тихую и спокойную, как озеро, и окаймляющий её нежно-золотой песок, и свежую зелень листвы высоких пальм над чёрным базальтом согретых светилом скал, и гребень вершин над лагуной, что я повелел увенчать короной из сказочных замков, похожих на те твердыни, что вознеслись по воле моей над просторами горных плато и кручами звонких ущелий в Андских высотах...

Может быть, там я ещё кому-нибудь нужен, может быть, там меня ещё помнят и ждут моего появления на тёсаных каменных стенах у ярких вечерних костров, где готовится ужин, в стихах и ночных песнопениях под чёрным, усыпанным звёздами и непроницаемым небом... Ай-яй-яй...

Знаешь, я дочитал надписи на ступенях пирамиды, новые надписи, которых не было раньше... Придут другие, придут вместо меня, и я могу быть спокоен... Вернее, знаю, что могу, но никак не выходит... Это обидно... Вместо меня уже избраны другие отцы, другие отцы для моих детей. Один из них уже пришёл к иннуитам и осел среди них, он – из британской расы. Почти через триста лет другой придёт к народности гуарани, придёт в час беды и защитит их, и этот человек – московит, а третий будет из нынешних датских земель, и острова Океании признают его, и откроют ему свои сердца, и он вложит в них новый смысл.

Так сказал дух Глухой Голос, хранитель источника, мой покойный друг, с которым я бился при Армагеддоне... Это последнее, что он сказал в этом мире, но скоро мы увидимся вновь... Но боюсь, что с разных вершин мы будем взирать на мир Сауагуаги Уаси... потому что нет мне прощения...

– Прощение есть всегда! – отозвалась Эулалия.

Почти истаявшие остатки тумана уже собирались прямо по курсу кроваво-красного корабля... Как снег, сгребаемый лопатой, как свежий небесный пух, отбрасываемый с мостовой к булыжным поребрикам тротуаров в холодных широтах, обнажает черноту природного камня, так невесомая пелена эта обнажила, наконец, тёмную воду, последними клоками прилепившись к далекому горизонту. И в белёсых клубах этих, в

их бесстрастным и бесшумном кипении, родились лёгкие завитки, как полотнища белого ситца или дуновения далёкого полярного вихря...

Эти полосы ширились, росли, переплетаясь и скручиваясь, и, наконец, сомкнулись вверху длинными, спутанными концами и замерли в своем движении... И в этой новой арке, громадной арке ворот, вытягивающейся в длинный вращающийся коридор, Эулалия увидела цель их пути – далёкое другое небо и не менее далёкую, иную землю, и зелень, и голубизну, и высокую скальную гряду, увенчанную прекрасными замками, и сменяющие друг друга в бешеном ритме иного времени дни и ночи, и светила длинного, как никогда, Млечного Пути, обгоняющие одно другое в бесконечной череде лет...

И далекая песня, исполняемая сильными голосами, звучала там, и в ней говорилось о смене эпох и правителей, и людей, и народов, и даже самих песен... О том, что всё уходит и приходит вновь, и нет предела циклам этого мира, нет остановки спицам колеса, пока не угодно это станет Создателю... И что такое древний и страшный Уно перед волей Всевышнего? Лишь неразумное чадо его, казнящее себя в непомерной своей гордыне...

Она поняла, что всё это неспроста... И то, что он, Уно, узнал её, и что они встретились здесь, как и то, что когда-то раньше они уже встречались – в нахлынувшем спокойном созерцании это становилось ей ясным. Они несли в себе и цель, и функцию, и роль, и сеяли вокруг то, что должны были сеять, и случалось с ними лишь то, что должно было случиться, лишь то, чему суждено было быть...

– Хватит ныть! – Эулалия перевела взор на неподвижную фигуру рядом, облокотившуюся на холодную и пустую позолоту. – Ещё не время...

– О чём ты? – не отрывая глаз от пустого горизонта, спросил Уно.

– Ты тоже видишь это? – уточнила Эулалия важную для неё вещь.

– Что? – не понял Уно.

– Врата и коридор, и остров вдали!..

– Нет, – ответил Уно. – Но я очень хотел бы...

Эулалия схватила его за рукав и дёрнула на себя белый атлас адмиральской рубахи.

– Пойдём! – потянула она его.

– Куда? – попытался отмахнуться от неё Уно, но теперь сделать это было не так-то просто.

– Лодка готова, Уно... – оторвавшись от перил, говорила ему Эулалия.

– Лодка готова... Она... Там будет и остров, и пляжи, и пальмы... Там будет все! – убеждённо твердила девушка. – Там! Не здесь! Глупая, я только сейчас осознала, что нам здесь нечего делать! Господи! Это ведь так просто!..

– Ты о чём? – недоумённо спросил Уно свою спутницу.

– Уплывём! – радостно улыбнулась девушка ссохшимися кровавой коркой губами. – Уплывём! Там будет всё!.. Там буду я!

Уно обернулся:

– А кто будет грести? – с горечью в голосе спросил он.

– Ты! – убежденно ответила девушка.

– А когда я не смогу!? – воззвал он к её благоразумию.

– Я! – не раздумывая, ответила девушка.

– Ты сошла с ума?!

– Не знаю... Наверное! – улыбалась ему Эулалия.

Уно смотрел на неё с сожалением:

– Несчастное создание! Ты не понимаешь, как это... и горько, и, вместе с тем, хорошо... – покончить со всем разом... – он помедлил, подбирая слова, – и как я тебе благодарен...

Наверное, он и не знал, какая первобытная, животная, подавляемая миазмами дряхлого разума надежда звучала сейчас в его голосе. Бросаясь в гушу боя на стенах Горного форта и врубаясь в толпы флибустьеров, и кромсая предприимчивых детишек испанских пастухов в аду Панамы, он втайне желал только одного, что кто-нибудь из них, может быть случайно, прикончит его... Но, видимо, нет ничего случайного в этом мире, и путь, который под гнётом обстоятельств он когда-то выбрал и который потому и был ему предназначен, он вынужден был пройти до этой палубы, до этой точки, до самого конца.

И вот теперь она, эта маленькая, глупая девчонка, говорит ему, что это, может быть, и не конец его земного пути. Но зачем... И как, главное, – как? Как не затеряются они в этом мёртвенном море, среди этого пространства, посреди этой воды, с такой бесчувственностью поглотившей рулевого Хорхе?! Как? Он очень хотел бы знать!

– Пойдём! – она манила его, манила и улыбалась. – Пойдём! Мы уплывём отсюда! Ты будешь грести, пока сможешь! А потом, потом буду грести я!

– Ты не сумеешь, – твердил ей Уно, – все более и более поддаваясь её уговорам, – как ты сможешь? Ты, что, действительно веришь, что мы доберёмся до берега? Да даже, если каким-то чудом это и случится, если это и будет так, что потом?..

– А тебе обязательно знать? – спросила его Эулалия. – Какая разница! Смысл жизни, Уно, заключён в самой жизни. И если жизни наши ещё нужны, они не окончатся ни здесь, ни где бы то ни было ещё... А до всего остального... – она потянула его за рукав. – Поверь, я о тебе позабочусь! Иногда нужно просто, просто верить, идти и верить!..

И грязные доски поплыли под их шагами, а лёгкий шелест каблуков, преданный и несомненный спутник этого поступательного движения, постепенно приобретая ритм, стал превращаться в слова, знакомые каждому с детства слова старой, глупой и немного жестокой сказки о жизни и вере и где-то даже – любви. И ещё что-то о «долго и счастливо»

и, кажется, про «в один день»... Двое на лице палубы... Они верили, шли и надеялись, что их ещё ждут и свет, и заря... Они объединили, наконец, свои мысли... Они согласились друг с другом...

6.02.2011

Авторские примечания

От автора

«Английский пациент» (The English Patient) – фильм 1996 года, снятый по одноимённому роману канадского писателя Майкла Онтадже (р. 1943).

Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936) – британский писатель, поэт и журналист, обладатель Нобелевской премии. «Мохнатый шмель – на душистый хмель...» – это его стихи (в переводе, конечно). Творчество Киплинга пронизано утверждением цивилизаторской миссии британского колониализма. Стиль его произведений я, как читатель, считаю достаточно тяжеловесным.

Роберт Луис Стивенсон (1850–1894) – британский автор приключенческих повестей и романов. Советскому читателю известен, в основном, по произведениям: «Владелец Баллантрэ», «Чёрная стрела», «Похищенный» и, конечно же, «Остров сокровищ», который зачитывали до дыр.

Рафаэль Сабатини (1875–1950) – британский писатель, автор саги о «разбойнике поневоле» – капитане Питере Бладе.

Тур Хейердал (1914–2002) – один из величайших путешественников XX века, антрополог, писатель. Начал первые археологические раскопки на острове Пасхи, пересёк (в качестве руководителя группы) Тихий океан на плоту «Кон-Тики», Атлантический – на тростниковых лодках «Ра-I» («Ра») и «Ра-II», обошел Африканский рог на тростниковой лодке «Тигрис».

Николай Николаевич Дроздов (р. 1937) – советский и российский учёный-биолог, путешественник, писатель, телеведущий, пользующийся поистине всенародной любовью. Его «Полёт бумеранга» до сих пор перечитываю с удовольствием.

...учился читать по *Зикмунду и Ганзелке*... Мирослав Зикмунд (р. 1919) и Иржи Ганзелка (1920–2003) – знаменитые чешские путешественники. В 1947–1964 годах совершили автопробег по пяти континентам на автомобиле марки «Татра». Свои путешествия описали в серии книг, пожалуй, самые известные из которых – «Африка грёз и действительности» и «К охотникам за черепами».

«Вокруг света» – русский географический журнал. Учреждён в 1861 году. В 2011-м – отмечает 150-летний юбилей. «Золотой век» издания, на мой взгляд, пришелся на эпоху Ускорения и Перестройки.

Юрий Александрович Сенкевич (1937–2003) – советский и российский врач, путешественник, телеведущий. Один из спутников Тура Хейердала в плаваниях на тростниковых лодках «Ра-I» («Ра»), «Ра-II» и «Тигрис». Тщетны

все старания телекомпаний – повторить «Клуб путешественников» просто нельзя... Время не то... И люди, увы, не те.

Часть первая

1

Пополь Вух – эпос народа киче (Центральная Америка). Считается произведением Доколумбовой эпохи, однако записан уже в колониальное время, и, видимо, не лишён христианских смысловых напластований. Эпиграфы к отдельным частям «Акта веры» взяты мною из русского издания 2006 года (перевод с киче Р. В. Кинжалова), экземпляр которого находится в моей домашней библиотеке.

Архипелаг – имеется в виду группа Больших и Малых Антильских островов.

«Санта-Моника», громадный восьмидесятидвух- или восьмидесятичетырёхпушечный галеон Его католического Величества... Насколько мне известно, галеон с таким именем в состав испанского флота не входил никогда. При упоминании о количестве орудий здесь обыгрывается тот факт, что наименование, скажем, восьмидесятипушечный, вовсе не означает наличия на борту именно восьмидесяти орудий, а лишь указывает на класс корабля. Галеоны XVII века представляли собой настоящие плавучие крепости, водоизмещением до полутора тысяч тонн, длиной порядка 45–50 метров. Экипаж такого монстра, с учетом солдат и obsługi, мог составлять и пять, и шесть сотен человек.

Шканцы – на парусном корабле XVII столетия, пространство верхней палубы между грот- и бизань-мачтами, где устанавливались компасы и осуществлялись официальные мероприятия.

C'est la vie (фр.) – это жизнь. Устойчивое выражение, напоминание собеседнику о несовершенстве бытия.

Аламеда – одна из улочек Мадрида. Хорошо известна российскому читателю по саге о капитане Бладе, в качестве места прогулок расфранчённых господ. В «Акте веры» упоминание о ней – дань Рафаэлю Сабатини. Реальная Аламеда, довольно узкая, окно в окно, улица старого европейского города, мало напоминает роскошный бульвар...

Барселона – город в Испании, на побережье Средиземного моря. Административный центр региона Каталония.

...Горный форт с парусами... Горный форт (вариант названия, данный Р. Сабатини) – крепость *La Roche* на острове Тортю (Тортуга), построенная по проекту французского военного инженера Ле Вассёра, бывшего, к тому же, отъявленным авантюристом и губернатором острова. Форт считался одним из лучших укреплений в Архипелаге. В 1654 году с целью уничтожения «оплота пиратства» Испания отправила на Тортю флот и осуществила «зачистку» острова. Крепость пала в результате осады. «Санта-Моника», в глазах Уно, олицетворение огневой мощи.

...была бы у него такая в 54-м... Видимо, Уно принимал участие в событиях на Тортуге.

То ли в слове «сеньор» было что-то не так... – В Испании «сеньор» – общепринятое уважительное обращение к мужчине, которое восходит к вассальным отношениям. В данном случае имеет значение то, что Эулалия применяет правила именно испанской вежливости.

Интеллиджент сервис – британская разведывательная служба.

...магистр медицины? В юбке... Фраза носит подчеркнуто-издевательский характер – в XVII веке женщине получить степень магистра было совершенно невозможно.

...щерившейся ликом какого-то фараона... Поверить в это достаточно сложно. Интерес к древнеегипетской культуре и атрибутике (если не принимать во внимание античный период) проявился в Западной Европе лишь после Египетского похода французской армии 1798–1801 годов. Хотя... нет ничего невозможного в этом мире.

2

Если вспомнить трактат одного итальянского умника, нужно, чтобы боялись и уважали... Подозреваю, что этот «умник» – Никколо Макиавелли (1469–1527), флорентийский мыслитель и политический деятель, автор прославленных трактатов «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия».

Pourquoi pas? (фр.) – почему нет?

Магометанин – устаревшее наименование приверженцев ислама, учения пророка Мухаммеда (Магомета).

Faisons connaissance (фр.) – давайте знакомиться.

Что за странное имя?.. Имя «Уно» вряд ли можно найти в Святцах. Слово это, с итальянского, означает – «один».

Акт веры (исп. Auto de Fe, лат. Actus fidei) – чрезвычайно многогранное понятие. Казнь грешника по приговору церковного суда – лишь одно из возможных толкований этой фразы. Кстати, очень узкое. По-сути, ответа на вопрос: «Что же есть акт веры для Человека?» я и жду от Вас, дорогой читатель, по завершении прочтения Вами последней страницы моего скромного труда.

Шкафут – часть верхней палубы парусного судна между фок- и грот-мачтами (между носовой и кормовой надстройками).

3

Доски настила – имеется в виду палубный настил.

Черепаший остров (исп. Isla Tortuga, фр. Ile de la Tortue) – здесь, думаю, и так все понятно.

...он восходит на вершину Великой пирамиды... Имеется в виду Великая пирамида Теночтитлана, столицы государства ацтеков, посвящённая идолам Солнца (Уитцилопочтли) и дождя, и воды (Тлалоку). Теночтитлан был воздвигнут на острове посреди озера Тескоко и связан с сушей мостами. Воинство Эрнандо (Эрнана) Кортеса сожгло город, а Великая пирамида была разобрана на камень для строительства Мехико и Кафедрального собора (Cathedral Metropolitana de la Asuncion de María), одного из крупнейших в Новом Свете.

Totus mundus (лат.) – весь мир.

Orbis terrarium (лат.) – круг земель (римляне называли так известный мир, окружённый неведомым).

...*то с высоты пирамиды Солнца, то с башен цитадели Антония...* Фраза вновь адресует читателя к теме сожжения за грехи. Пожар Теночтитлана (1521 год после Р.Х.) лучше всего было бы наблюдать с площадки Великой пирамиды, так же как пожар Иерусалимского Храма (70 год после Р.Х.) – с высоты примыкавшего к нему форта Антония. При этом я, кстати, ни в том, ни в другом случае не поручился бы за жизнь и здоровье самого наблюдателя...

...*пересекающим древний Океан с финикийцами, римлянами, варягами, испанцами, франками...* Океан – существо из греческой мифологии, титан, повелитель вод; на крайнем западе его владений, согласно представлениям греков, располагался вход в иной мир. Что касается пересечения Атлантики финикийцами и римлянами – принципиальную возможность таких путешествий доказал Тур Хейердал, косвенными подтверждениями служат находки на побережье Мексики римских монет (хотя они запросто могли выпасть из кармана какого-нибудь коллекционера или даже «не выпасть»...). Викинги почитаются за первооткрывателей Американского континента практически повсеместно. С испанцами – тоже всё ясно (благодаря генуэзцу Колумбу), франки упомянуты только для того, чтобы связать Уно, назвавшегося французским офицером, с нижеперечисленными народностями.

...*красные конусы, прорастающие из тонкой черты горизонта, разделяющей на материях анасази белизну на небо и землю...* Анасази (Anasazi) – наиболее развитая индейская культура Северной Америки. Индейцы, которых принято называть «анасази», населяли Колорадское плато в первом и начале второго тысячелетия нашей эры. Неизвестно, откуда они появились, неизвестно – куда ушли, оставив исследователям богатый археологический материал. Однако, учитывая ряд изображений, внешне похожих на пирамиды, и то, что расцвет этой «астрономически подкованной» культуры приходится на время заката мая, некоторые исследователи в свое время делали далеко идущие выводы...

Мочика (Mochica) – цивилизация, существовавшая на территории Перу в первом тысячелетии. Последние археологические находки датируются VIII веком. Мочика придавали большое значение ритуальным убийствам. Наиболее значимое скопление пирамид осталось от «наследников» мочика – чиму (находятся в местечке Тукуме). Пирамиды Тукуме обнаружены в период с 1988 по 1994 годы международной археологической экспедицией под руководством всё того же Тура Хейердала. Стены пирамид мочика некогда были окрашены в кроваво-красный цвет.

...*священные колодцы Юкатана, полные скелетов и призраков Солнца...* Юкатан – полуостров в Центральной Америке, «колыбель» цивилизации майя. Священные колодцы (сеноты) – озёра, по всей видимости, метеоритного происхождения: пробивая известковый покров полуострова, «небесные бульжники», создали входы в карстовые тоннели. Воду сенотов применяли в ритуальных целях, колодцы использовали для

жертвоприношений, однако, вопреки досужим домыслам, скелеты в пещерных лабиринтах обнаруживаются все больше мужские. Подобная религиозная практика связана с представлениями индейцев о сотворении мира: когда появилась суша, Изначальная или Первородная вода, покрывавшая её до того, отступила, сохранившись только в сенотах, откуда ей некуда было деться.

...всех этих Кортесов, Писарро, Агирре, Нарваесов, де Сото и многих многих других... Здесь приведены имена прославленных историей (которую, как известно, пишут победители) конкистадоров: Эрнандо (Эрнан) Кортес (1485–1547) – покоритель государства ацтеков, Франсиско Писарро (?–1541) – троюродный брат Кортеса, завоеватель страны инков; Лопе де Агирре (1518–1561) – сумасшедший авантюрист, пытавшийся отыскать Золотой город и павший от рук соплеменников (прославленный Вернером Херцогом); Панфило де Нарваес (1470–1528) – искатель приключений и славы, принимавший участие в событиях на Ямайке, Кубе, в Мексике, организатор похода во Флориду и к устью Миссисипи (погиб в этом походе); Эрнандо де Сото (?–1542) – первопроходец внутренних районов Североамериканского континента, достигший территорий современных Алабамы, Арканзаса и Теннесси.

...звездю отмищения... Здесь имеется в виду мифическая спутница Солнца, звезда Немезида (по имени греческого идола отмищения Немезис), также возможным вариантом является «тёмная планета» Нибиру.

...находя глупого змея, садится где-то на древесный кактус... Фраза адресует читателя к легенде об основании Теночтитлана (Мехико). Уитцилопочтли повелел ацтекам построить город в том месте, где они найдут сидящего на кактусе орла со змеей в клюве. Место это оказалось на острове, посреди озера Тескоко. Ныне «сакральные» орел, змея и кактус изображены на гербе Мексики.

...в раковинах Каса Гранде... Каса Гранде (исп. Casa Grande) – археологический памятник на территории американского штата Аризона. Представляет собой комплекс из нескольких сохранившихся строений, принадлежащих культуре Хохокам (Hohokum) – географическим и историческим соседям Анасази. Название комплекса дано испанцами и означает «большой дом». Строения обнаружены в конце XVII века, примерно на двадцать лет позже описываемых в повести событий. Морские раковины, вероятно, вследствие своей редкости в пустыне, служили индейцам средством обмена.

...прописываясь строчками испанских манускриптов... Манускрипт (*лат. Manuscriptum*) – рукопись. Источниками сведений о древних культурах Америки служат испанские рукописи, в том числе дневники участников конкисты.

...несущие на своих квадратных холстах его бородатый лик... Здесь речь идёт исключительно об изображении Тики на парусе бальсового плота Тура Хейердала. Даже если великий норвежец был прав, и заселение островов Полинезии осуществили древние жители Анд, сложно предположить, что

они, подобно европейским мореходам, украшали паруса рисунками, а если и украшали, то именно ликом Тики.

Недосотворённая страна (Cayahuari Yasi). Здесь имеет место ссылка на «Фитцкарралдо» – небезызвестный фильм Вернера Херцога с Клаусом Кински в главной роли. Если не смотрели, дорогой читатель, советую это сделать.

Наска (Nazca) – цивилизация, существовавшая на юге современного Перу в I тысячелетии. Известна впечатляющего масштаба рисунками (геоглифами) на поверхности одноименной пустынной равнины, обнаруженными только в 30-х годах XX века, с воздуха. Считается, что увидеть эти фигуры можно исключительно сверху, однако это не так – с окрестных холмов они тоже неплохо просматриваются. Наска известны любопытными ритуалами; останки представителей племени свидетельствуют о распространении операций по трепанации черепа.

Полубак – надстройка в носовой части судна.

4

...как живой мертвец из полузабытых сказаний... Фраза адресует читателя к легендам о зомби и культу вуду, принесённым на американский континент вместе с живым грузом невольничьих судов.

Бухарские ковры – термин, в рассматриваемый период употреблявшийся к ковровой продукции закаспийского производства, в том числе и, собственно, бухарской. Бухара – древний торговый город на караванном Великом Шёлковом пути, находится на территории современного Узбекистана. Одна из крупных коллекций азиатских ковров (существующая и ныне) принадлежала польскому королю Сигизмунду Ваза (годы жизни: 1566–1632).

Орел-гартия – хищная птица, обитающая на территории Центральной и Южной Америки. Размах крыльев может достигать двух метров, вес – до девяти килограммов. Охотится на обезьян, опоссумов, крупных птиц. Вполне может унести ребёнка – отсюда и упоминание в тексте. *Гартии* – существа из греческой мифологии, полуженщины-полуптицы.

...осыпанная новогранадскими изумрудами сабля, подарок римского императора... Новая Гранада (исп. Nueva Granada) – в рассматриваемый период, испанское генерал-капитанство в составе вице-королевства Перу. Включало территории современных Колумбии, Эквадора и Панамы. Новая Гранада – пожалуй единственный крупный поставщик изумрудов в Европу того времени. Римский император – император Священной Римской империи германской нации (в данном случае – Леопольд I Габсбург (годы жизни: 1640–1705).

...Золотое Руно адмирала... Орден Золотого Руна – учреждён в 1430 году, в 1477 году гроссмейстерство ордена перешло к династии Габсбургов. Существует и в наше время как династический орден испанской и австрийской ветвей Габсбургского Дома.

Сандалии Меркурия – крылатые сандалии римского идола торговли (аналог греческого Гермеса). Эта «неземная обувь» помогла Персею победить горгону Медузу.

Кулеврина – длинноствольное, на первых порах, ручное, впоследствии, по мере совершенствования, лафетное полевое или корабельное орудие. Применялось вплоть до XVIII столетия.

Кубрик – жилое помещение для экипажа на корабле.

Michacha (исп.) – девушка, девчонка. Здесь, скорее, в значении, близком к «девка».

...раззолоченному Кадисскому склепу... Уно сравнивает «Санта-Монику» со склепом, и немудрено – это слово неплохо характеризует пусть немалое, но всё же ограниченное пространство, служащее последним прибежищем человеческим останкам. Кадис – город и порт на юго-западе Испании. Из Кадиса отправлялись караваны судов в Новый Свет и экспедиции к неизвестным доселе землям. Видимо, галеон был построен на верфях именно этого испанского порта.

...под этим ослепительным флагом... Флаг, который видел Уно, отражал геральдические символы Арагона, Леона и Кастилии и, в основном, был выполнен в «оптимистической» красно-бело-золотой гамме.

Часть вторая

6

Макао (порт. Macau) – ныне город и порт Аомынь на территории Китая. Бывшая колония Португалии (1557–1999). В XVI–XVIII веках город являлся важнейшей перевалочной базой европейцев при торговле с Китаем, Японией, Филиппинами, Тимором. Административно входил в состав Португальской Индии, затем – Тимора. В XIX веке потерял свое стратегическое значение. Накануне «Миллениума» передан Китайской Народной Республике.

...выказывал хорошо скрываемое неудовольствие... – нередко встречающийся поведенческий нюанс.

...в виду цитадели Святого Филиппа в шумном порту Индейской Картахены... Индейская Картахена (*исп. Carthagena de las Indias*) – город на побережье Новой Гранады (современная территория Колумбии). Название «Индейская» (вернее, «Индийская») дано, во избежание путаницы, – изначальная, Испанская Картахена, находится на Пиренеях. Морские ворота испанских владений в Америке: отсюда уходили в Европу гружённые золотом и изумрудами галеоны, отсюда по всему континенту растекались ручейки колониальной экспансии. Цитадель Святого Филиппа – Замок Кастильо-де-Сан-Фелипе-де-Барахас. Легендарная крепость, сдержавшая натиск британцев в 1741 году, к описываемому периоду времени уже существовала.

Квартердек – возвышение в кормовой части парусного судна.

...собрание дрезденского курфюрста... Курфюрст – в Священной Римской империи, правитель, наделённый правом избирать императора. Дрезден – столица Саксонии, государства в составе Империи. Когда говорят о собрании дрезденского курфюрста, обычно имеют в виду коллекцию

фарфора, принадлежавшую Августу Сильному (годы жизни: 1670–1733). Заговзда заключается в том, что этот правитель взшёл на престол уже после описываемых событий.

...портреты дорогих сердцу хозяина Габсбургов: Карлоса и Леопольда... Карлос II Зачарованный (годы жизни: 1661–1700) – последний представитель династии на испанском престоле. Большой физически и психически король делами государства интересовался мало, умер бездетным. По его смерти Европу потрясла война за его опустевший трон, длившаяся более десятилетия (Война за испанское наследство). Император Леопольд I – одна из ключевых политических фигур в Европе второй половины XVII века. Вел непрекращающиеся войны с турецким султаном, едва не потерял Вену. Стремясь сохранить за Габсбургами испанский престол, втянул континент в Войну за испанское наследство.

Турниры – имеются в виду рыцарские турниры. Если во Франции подобные мероприятия были официально запрещены после гибели в 1552 году короля Генриха II Валуа, в Испании от этой забавы избавляться не спешили.

...подарком от португальского торгпреда в Нагасаки... Скорее всего, правильнее – «бывшего португальского торгпреда в Нагасаки». После Симабарского восстания 1637–1638 годов все португальцы были высланы из Страны восходящего солнца.

...моделями испанских каракк, французских галер, турецких шебек и венецианских галеасов... Каракка – испанское или португальское судно XV–XVII веков, с высоким корпусом и надстройками, торговое или военное. Поздние каракки обычно имели водоизмещение до 1000 тонн. Использовались для рейсов в колонии. По причине низкой маневренности вытеснены галеонами. Галера – парусно-гребной военный корабль, длиной до 50 метров, несущий орудия на носу и корме, исключительно скоростной на коротких дистанциях. Весла достигали в длину 15 метров. В качестве гребцов обычно использовали заключённых. Европейские державы располагали галерным флотом на Балтийском и Средиземном морях и в XVIII веке. Шебека – парусно-гребное судно Туниса, Алжира, Марокко, обладавшее малой осадкой, хорошими скоростью и маневренностью, несущее латинские паруса. Внешний вид шебеки весьма узнаваем, в первую очередь, благодаря отклонённым, соответственно, вперёд и назад фок- и бизань-мачтам. Галеас – тяжёлая средиземноморская галера XVI–XVIII веков, длиной до 80 метров, несущая до 70 орудий, расположенных не только на носу и корме, но и вдоль бортов.

...за годы службы при дворе, а также в Китае и на Филиппинах, и, весьма вероятно, на галерах Золотого и Серебряного флота, вывозивших в Старый Свет сокровища Гуанахуато и Потоси... Видимо, у дона Родолфо более чем богатый послужной список. Чем он мог заниматься в испанской колонии Филиппины, в принципе, представить несложно, но, что он делал в Китае, причём, скорее всего, в португальском Макао, я, как автор, не имею ни малейшего представления... Получил же он за какие-то заслуги Золотое Руно из рук монарха... Золотой и Серебряный флот – флотилии судов, вывозившие

из колоний в Европу (из Нового Света в Старый) добываемые там ценности. Упоминание – дань памяти Эмилио Сальгари («Чёрный корсар»). Гуанахуато (Guanajuato) – горнорудный район на территории Мексики. Добыча золота здесь осуществляется с середины XVI века (с 1543 года разрабатывается рудная система Вета-Мадре). Потоси (Potosi) – местечко на юге Боливии. Месторождение серебра (Серебряная гора) Потоси до середины XVIII века обеспечивало около половины мировой добычи этого металла.

Паскуаль де Мендоса – герцог, вице-король Перу. Вымышленный персонаж. Именем «Паскуаль» он обязан адмиралу Паскуалу Сервера, участнику испано-американской войны, ставшему персонажем моей мини-новеллы «Менгир». Фамилией «де Мендоса» – перуанскому вице-королю маркизу Хосе Антонио де Мендоса Кааманьо и Сотомайор, жившему в XVIII веке и умершему на борту корабля, шедшего в Испанию.

Карл Великий (годы жизни: 742–814) – король франков и император Священной Римской империи. Правитель, объединивший под своей властью большую часть Западной и Центральной Европы. Положил начало современной европейской государственности.

Запад Света – имеется в виду Западное полушарие мира, Новый Свет.

...уничтожить во имя Бога и, значит, во имя любви... «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.» (Первое послание Иоанна, 4–8).

Врата Святого Петра – именно Св. апостолу Петру Господом были обещаны ключи Царства Небесного: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного...» (Евангелие от Матфея, 16–18,19)

7

Граница бездонной пропасти расширилась, потом пошла внутрь... Глаза, как известно, зеркало души. По реакции зрачков подготовленный человек, такой как Уно, может с точностью сказать – лжёт собеседник или же нет.

Гвадалквивир (Guadalquivir) – река в Испании. Берёт начало в Андалусских горах и впадает в Кадисский залив. На берегах Гвадалквивира расположена знаменитая Севилья. Отсюда на поиски новых земель уходили крутобокие каравеллы.

Аль-Андалус – мусульманская Испания. В эпоху Реконксты её территория постепенно сокращалась, в результате термин «Андалусия» закрепился за землями, отвоеванными в последнюю очередь – «крайним югом» Пиренейского полуострова.

...взрачивая севильские, кордовские и гранадские минареты во славу Создателя и его пророка. Кордова, Севилья, Гранада – города в испанской Андалусии, в средние века – крупные мусульманские культурные и торговые центры, после распада Кордовского халифата – столицы одноименных эмиратов. Минарет – входящая в архитектурный комплекс мечети башня, с которой муэдзин призывает верующих к молитве.

Пласа-Майор (исп. Plaza Mayor) – Большая (скорее, – главная) площадь, *Пуэрта-дель-Соль (исп. Puerta del Sol)* – Солнечные ворота. Площади Мадрида.

«Compagnie des Indes occidentales» – «Компания Западных Индий» (Французская Вест-Индская торговая компания). Компания, созданная для торговли с Новым Светом и колонизации территорий Североамериканского континента. Существовала в течение десяти лет (1664–1674). Поскольку в диалоге с Уно Эулалия упоминает, что компания более не существует, события, описываемые в повести, происходят после 1674 года.

Жан-Батист Кольбер (1619–1683) – французский государственный деятель эпохи Людовика XIV, генеральный контролёр финансов, морской министр. Создал национальные внешнеторговые компании, в том числе и Вест-Индскую.

Amen! (лат. вариант) – Аминь, воистину, да будет так! Представители католической ветви христианства творят молитвы на латыни.

...ваши иезуиты запрещают вам читать Писание... Иезуиты – члены ордена «Общество Иисуса» (лат. Societas Jesu), основанного испанцем Игнасио Лопесом де Лойолой (1491–1556) в 1534 году. Вели активную миссионерскую и политическую деятельность в Европе и колониях, зачастую, прибегая к весьма сомнительным средствам. Слово «иезуит» иногда употребляется для обозначения лиц, преследующих свои корыстные цели, прикрываясь маской добродетели. Орден существует и ныне. В католической Испании право чтения и толкования Библии принадлежало исключительно духовенству.

Fiat lux! (лат.) – Да будет свет! «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.» (Книга Бытия, 1–3)

...золотых флюгеров над шпицами Антверпена... При Карле V вест-индийское золото текло через Антверпен непрерывным потоком. За несколько десятилетий каракки и галеоны конкистадоров ввезли на Европейский континент столько же «вечного металла», сколько было накоплено за всю предшествующую историю. Что касается золотых флюгеров и прочих «элементов архитектуры и интерьера» – «цивилизованные» европейцы, в сравнении с аборигенами, оказались отнюдь не на высоте. Инки изготавливали из золота предметы быта и инженерии (например, водостоки) совсем по иному, нежели европейцы, причинам... И появившись «незаменимый предмет сантехники» в XV столетии, думаю, где-нибудь нашли бы инкрустированные изумрудами образчики...

...уравнение стоимостей средних размеров фламандского городка и тюльпанной луковицы... Речь идет о массовом помешательстве, известном под названием «Тюльпанная лихорадка» или «Тюльпановый бум». Тюльпаны, эти прелестные азиатские цветы, в 1637 году породили первый в истории фондовый кризис. Спрос на заморскую диковинку был столь высок, что за луковицу популярного сорта отдавали до 100 000 флоринов. В межсезонье заключались фьючерсные контракты, которые продавались и перепродавались многократно. В один далеко не прекрасный момент общенациональный «финансовый пузырь» лопнул, и тысячи людей, вложивших, с целью получения баснословных прибылей, все свои сбережения в тюльпаны, оказались без средств к существованию.

...от Иеговы и Аллаха до Ульгения и Иосена... Народы и религии мира называют по-разному Творца всего сущего и, если с первыми двумя именами все ясно сразу, о двух других нужно упомянуть. Иосен – верховный дух-творец у североамериканского племени апаче, создавший мир и человека в нем. Ульгень – в этой книге, дань уважения культуре коренных жителей Кузнецкой земли, малой моей Родины, – создатель Вселенной, обитающий в Небесах и сотворивший мир за шесть дней. Поизучаешь верования отдельных этнических групп, особенно изолированных, так, вообще, становится очевидным, что атеизм – опиум для народа...

...человек грешен, и жизненный путь земной его становится все короче и короче... Тут можно вспомнить Адама, который должен был быть бессмертен, и Мафусаила, жившего почти тысячелетие, и сравнить продолжительность их земного пути, скажем, с продолжительностью существования среднестатистического жителя современной России... Как говорится, есть над чем поразмыслить...

Tierra del Fuego (исп.) – Огненная Земля. Архипелаг на Дальнем Юге Американского континента, часть территории принадлежит Чили, часть – Аргентине. Отделен от Южной Америки Магеллановым проливом – водным путём из Атлантики в Тихий океан, который долго будил воображение испанских конкистадоров, а затем и их европейских конкурентов. Был населен племенами ямана (yamana), селькнам (selknam) и алакалуф (alacaluf).

...отголоски веры даже в Святую Троицу, как, например, гуарани... Гуарани – группа индейских народностей современного Парагвая, объединённых по языковому признаку. Вера в Троица Творца всего сущего действительно свойственна некоторым коренным культурам Южной Америки, равно как и истории о Потопе.

...Хранителя этого они изображали бороатым человеком со светлой кожей, рыжими волосами и голубыми глазами... Думаю, любой школьник в Советском Союзе мог много чего поведать любопытствующему о змее Кетцалькоатле, Великом Белом Отце или прочих сущностях, прихода которых ждали аборигены Америк, как и о том, кого они дождались.

...позволили Эрнандо Кортесу заполучить престол Монтесумы и Куаутемока, а семейству Писарро – Атауальпы и Манко... Монтесума II (годы жизни: ?–1520) – правитель ацтеков. Взятый в плен Кортесом, был убит соплеменниками. Куаутеок (годы жизни: ?–1525) – последний правитель ацтеков, племянник Монтесумы II. Руководил обороной Теночтитлана. Атауальпа (годы жизни: ?–1533) – правитель государства инков, в 1532 году победивший в ходе гражданской войны сводного брата Уаскара, законно наследовавшего их общему отцу, инке Уайна Капаку. Захвачен в плен испанцами во время резни в Кахамарке. По надуманному обвинению приговорён к сожжению, по принятии крещения – удушен. Манко Инка Юпанки (годы жизни: ?–1544) – брат Уаскара и Атауальпы, возведён на престол испанцами. Поначалу был марионеточным правителем, затем

возглавил освободительное движение. Предательски убит испанцами в своей ставке.

Гибралтар (исп. San Antonio de Gibraltar) – город в Венесуэле, на юго-востоке побережья лагуны Маракайбо. Основан в 1592 году. Служил одним из важнейших центров экспорта какао в Европу.

Санта-Фе-де-Богота (исп. Santa Fe de Bogota) – мегаполис в Южной Америке. Город основан в 1538 году конкистадором Гонсало Хименес де Кесада (?–1579). Столичным стал через 60 лет и с тех пор продолжает им оставаться, хотя территория вокруг неоднократно меняла статус и название. Богота была столицей и генерал-капитанства, и вице-королевства Новая Гранада, и Великой Колумбии, и республики Новая Гранада, и Соединенных штатов Колумбии, и республики Колумбия.

Бойня на треугольной площади Кахамарки (16 ноября 1532 года) – расправа полутора сотен испанцев над безоружной свитой Атауальпы. В ходе резни правитель инков едва не погиб и был захвачен в плен.

Гонсало Писарро (1502–1548) и Франсиско де Орельяна (?–1546) – испанские конкистадоры, участники покорения страны инков, дальние родственники. Оба родились в испанском Трухильо. Организаторы похода 1541 года, через Анды, целью которого был сказочный Эльдorado. В ходе экспедиции, Орельяна, отправившись, в поисках продовольствия, с небольшим отрядом вниз по течению встретившейся им реки, не смог пробиться назад к основной группе. Писарро, решив, что компаньон погиб, вернулся в Перу, а Орельяна продолжил путь и стал первооткрывателем Амазонии.

El Dorado – легендарная страна сокровищ, поиски которой велись различными группами испанских завоевателей в Центральной и Южной Америке.

...мечом, похожим на клинки воинов Тутмоса, что кромсали армии сирийцев при Мегиддо... Тутмос III – фараон XVIII династии. Покоритель Сирии и Палестины. В сражении с сирийцами у города Мегиддо в 1468 году до Р. Х. нанёс им сокрушительное поражение. Мегиддо (Армагеддон – трансл. «гора Мегиддо») на протяжении веков неоднократно был ареной сражений и, согласно Откровению Св. Иоанна Богослова, ею ещё будет.

Санто-Доминго де Гусман (исп. Santo Domingo de Guzman) – город и порт на острове Гаити (Эспаньола), старейшее европейское поселение в Новом Свете. Основан в 1496 году Бартоломео Колоном. Ныне – столица Доминиканской республики.

Малага (Malaga) – портовый город в испанской Андалусии, на побережье Средиземного моря. Основан в древности финикийцами. В средние века был столицей эмирата. Отвоёван в ходе Реконкисты в 1487 году (за пять лет до плавания Колумба). Родина Пабло Пикассо.

Тонаки – одна из народностей Мексики. Союзники Кортеса в войне с государством ацтеков.

...в мире испанских испанцев... Речь идёт о социальном неравенстве в заокеанских колониях Испании. На низшем уровне иерархии находились индейцы, чуть выше – метисы, ещё выше – потомки европейских

переселенцев (креолы), а наиболее высокие посты в системе управления занимали назначенные вельможи из-за океана. Поэтому палача и индеанки в таких условиях ничего не оставалось, как гнуть спину... Или заняться противоправной деятельностью.

Береговое мародёрство – прибыльное занятие нищих жителей приморских посёлков во все времена. Прекрасно зная особенности побережья, они в эпоху, когда точных карт и навигационных приборов не существовало, вместо того, чтобы оказывать помощь терпящим бедствие судам, зачастую вырезали всех уцелевших и присваивали груз. Круговая порука этих «тружеников моря» и есть – воспетое неоромантиками «Береговое братство».

Португальская Индия – колониальные владения Португалии на полуострове Индостан, в том числе Гоа, Бомбей и Мадрас. Последняя португальская территория в Индии, образовавшая современный штат Гоа, была оставлена метрополией в 1961 году.

10

Я как-то видел трепанацию черепа... Прижизненные трепанации или деформации черепов свойственны многим древним и средневековым индейским культурам.

...с тех пор, как ад был разрушен Христом... Событие новозаветной истории, имевшее место в 33 году н. э.

Часть третья

11

Птицечеловек – в культуре острова Пасхи (культуре «короткоухих»), земное воплощение идола Макемаке. «Короткоухие» жили кланами, вожди которых соперничали за господство над островом. Каждую весну в этой своеобразной «республике» проходили «выборы». Победить на них мог глава любого из кланов, при условии, что его воин первым доберётся вплавь до отстоящего от берега примерно на полтора километра скалистого островка Мотунуи, где гнездились крачки, и вернётся назад с первым снесенным яйцом. Воину оказывали почет и уважение, а его «хозяин» становился «птицечеловеком года» и правителем острова. Изображался в виде антропоморфной фигуры с птичьей головой.

Это тёмное пунцово-серое пятно имени матери Аврелия Августина... Св. Моника (331–387) – мать Св. Аврелия Августина (354–430), христианского философа и богослова.

Кормовой подзор – нижняя часть свеса кормы судна; в нашем случае, здесь помещено наименование «Санта-Моника».

Барокко – художественный и архитектурный стиль, господствовавший в искусстве Европы и Латинской Америки XVII и первой половины XVIII века, для которого характерны склонность к излишествам, вычурность, помпезность, зачастую, на грани (и за гранью) вульгарности. Но, не будем винить гениев – заказчики, во все времена, диктовали количество виньеток и пошлых амурчиков...

Камбуз – судовое помещение, специально оборудованное для приготовления пищи; корабельная кухня.

Китайские яблоки – апельсины. Если всё ещё не поняли юмора, попробуйте произнести раздельно: «апель-син». Судя по всему, средневековых европейских путешественников терзала ностальгия по родным яблоневым садам: помидор (фр. Pomme d'or) – золотое яблоко, ананас (англ. pineapple) – сосновое яблоко, картофель (фр. Pommes de terre) – земляные яблоки, апельсин (нем. Apfelsin) – китайское яблоко.

12

...брабантском кружеве... Брабант (Brabant) – историческая область в Северо-Западной Европе (некогда, герцогство). В настоящее время разделён между Бельгией и Нидерландами. В рассматриваемый период северная часть Брабанта входила в состав Голландии, южная – Испанских Нидерландов. Регион был славен производством кружев, неперменного атрибута аристократического костюма того времени.

Пражский замок (Пражский град) – резиденция Богемских правителей, ряда Римских императоров, а также президентов Чехословакии и, ныне, Чехии. Леопольд Габсбург носил, в том числе, и титул богемского короля, отсюда – несколько странный, в тропиках, фон изображения.

...на всем пространстве между Майами, Сан-Хуаном и Бермудской грядой... Треугольник, с этими тремя вершинами, обычно именуют Бермудским. В повествовании переплетены и взаимоувязаны несколько легенд и концепций, так что у читателя есть немало вариантов объяснения происходящих событий. Я, как автор, истолковываю их, разумеется, лишь одним единственным образом, но, как человек, я могу быть неправ... Ergate humanum est...

«Solo Dios basta» (Одного Бога довольно) – изречение Тересы Авильской (1515–1582), католической святой.

...кусоч фразы Пилата... Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum (лат.) – Иисус Назарянин, Царь Иудейский. Надпись, сделанная по повелению римского наместника Понтия Пилата на табличке, прибитой над головою распятого Христа.

...герб последнего инкского правителя... Инка Тупак Амару (годы жизни: 1545–1572). Последний из рода Инка на престоле в Вилькабамбе (которая служила «временной столицей в изгнании»). В ходе карательного похода испанцев, призванного раз-навсегда положить конец сопротивлению, был захвачен в плен, осуждён и казнён. На известном портрете опирается на щит с изображением Солнца.

13

Дамасская сталь – сталь особого приготовления, получаемая проковыванием сплетённых в жгут стальных полос, различных по содержанию углерода. Употреблялась для производства оружия, доспехов и даже – посуды.

Шамишр (или самшир) – разновидность сабли, распространённая на Ближнем Востоке. Имеет сильно изогнутый клинок, удобный как для

рубящих, так и для колющих ударов с седла; по этой причине Уно пришлось, наверное, как следует изловчиться, чтобы метнуть его в панель...

Плато Святого Духа – территория Люксембурга, где выдающийся французский военный инженер Себастьян Вобан (1633–1707) возвел одноименное укрепление. В рассматриваемый период Люксембург еще принадлежал Испании.

...зомби из Западной Сахары... Западная Сахара (исп. Sahara Occidental) – Северо-Западное побережье Африканского континента, в XVII веке, фактически, ничейная территория, сфера интересов Испании с 1880-х гг., колония с начала XX века. Если речь идет о зомби, скорее, следует адресовать читателя к Западной части Сахары как региону, включающему и Сенегал, и северное побережье Гвинейского залива.

...фантасмагорические латы в углу... Доспех японских самураев у европейцев, должно быть, вызывал смешанные чувства. С облачением представителя средневекового французского или германского рыцарства он не имеет ничего общего. Самурай в полном обмундировании напоминает скорее пришельца из далёкого космоса или агрессивное рогатое насекомое из ветхого бестиария, а может – и то, и другое одновременно. Вот только для большей части населения Европы сама Япония до середины XIX века была страной полулегендарной...

Тати – длинный японский меч военного сословия, носимый на перевязи с боевым доспехом.

Ниппон (или Нихон) – название Японии по-японски.

...их земли Борджиа отдал португальцам... Буллы папы римского Александра VI Борджиа (годы жизни: 1431–1503), того самого, что травил политических оппонентов и оставил целый выводок незаконнорожденных потомков, изданные в 1493 году, фактически определили раздел мира между Испанией и Португалией. Раздел этот был подтверждён Тордесильясским договором 1494 года. Демаркационная линия в Восточном полушарии установлена Сарагосским договором, спустя 35 лет. Согласно всем этим актам международного права, Япония, так или иначе, оказывалась на португальской части планеты, что не помешало сегуну Токугава Иэмицу (годы жизни: 1604–1651), после подавления восстания христиан в Самабаре, изгнать всех португальцев с территории страны. Безумные положения Тордесильясского и Сарагосского соглашений были официально отменены лишь в 1777 году, по результатам переговоров в испанском Сан-Ильдефонсо.

Я Тики, я Кетцалькоатль, я Великий Отец народов... У многих племён Центральной и Южной Америки есть легенды о белокожем бородатом чужеземце, который принес им знания, культуру и верования. Тики (Кон-Тики Виракоча) – у инков земное воплощение Солнца и, одновременно, бородатый белый пришелец. Кетцалькоатль (букв. «Пернатый змей») у ацтеков также является и земным воплощением Солнца, и белым бородатым пришельцем. То же и Кукулькан (Пернатый змей) у майя. И Кукумац у киче. А есть еще и куна, и чиму, и мочика, и наска. Список можно продолжить. Испанцы, впервые увидев подобные изображения (сошлюсь на Хейердала), приняли их за свидетельство посещения Америки Св. апостолом

Варфоломеем. А поклонники концепции контактов цивилизаций склонны соотносить их с римским идиолом плодородия Сатурном. Стоит задуматься...

14

...падчирица и милостью Его Величества и Господа Бога наследница перуанского вице-короля... Разумеется, речь идёт о наследовании титула и состояния дона Паскуаля, и здесь, видимо, действительно, не обошлось без вмешательства короля Карлоса.

...весь этот «плач и скрежет зубом»... Строчка (в церковнославянском варианте прочтения) отсылает читателя к 50 и 51 стихам 24 главы Евангелия от Матфея: «То придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, И рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов»; или к 11 и 12 стихам 8 главы: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Выбирайте, дорогой читатель, что ближе по смыслу.

Икэбана (или икебана) – традиционное японское искусство создания растительных композиций. В данном случае, имеются в виду, разумеется, сами композиции.

15

Ранаити (или Рана-Ити) – остров в Тихом океане (Французская Полинезия). Открыт в 1791 году Джорджем Ванкувером. Скальная гряда, возвышающаяся над островом, превращена в оборонительные укрепления древним населением.

Вместо меня уже избраны другие отцы... Генри Гудзон (или Хадсон) (точные даты рождения и смерти оспариваются) – британский путешественник начала XVII века, исследователь Арктики. Во время последней экспедиции (1610–1611 годы), осуществленной Гудзоном в поисках Северо-Западного морского прохода – пути из Атлантического океана в Тихий, в обход испанских владений, на судне вспыхнул бунт. Капитана вместе с сыном и верными членами экипажа, бунтовщики посадили в шлюпку и бросили без пищи и воды в заливе, названном впоследствии его именем. Говорят, в тех краях и поныне живет род белокожих иннуитов, считающих своими предками людей, найденных в океане. Иван Тимофеевич Беляев (1875–1957) – генерал-майор русской армии, участник I Мировой и Гражданской войн, исследователь Чакского региона Южной Америки. После эмиграции совершил 13 экспедиций в Чако, с целью изучения языка, культуры и религий местных племён, составил подробные карты региона. Во время войны Боливии с Парагваем – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Парагвая. Национальный герой республики. Борец за права индейского населения, которого гуарани признали вернувшимся «Великим Белым Отцом». После его смерти тело было отдано индейцам для погребения по их обычаю, многие из них, после уравнивания в правах с «европейским» населением, приняли фамилию «Belaieff». Тур Хейердал (см. ранее).

И в этой новой арке, громадной арке ворот, вытягивающейся в длинный вращающийся коридор... Примерно так описывают очевидцы «капризы погоды» в акватории Бермудского треугольника.

Флибустьер – пират; французский вариант произношения голландского слова «*vrijbuiter*». Видимо, голландцы столкнулись с этой напастью раньше французов...

...и еще что-то о «долго и счастливо» и, кажется, про «в один день»... «Они жили долго и счастливо и умерли в один день» – фраза, которой русский и советский писатель Александр Грин (Александр Степанович Гриневский) (1880–1932) заканчивал отдельные свои произведения. Помню, в детстве, раздражала невероятно. По прошествию лет, начинаю находить в ней смысл, и чем дальше, тем больше.

1.05.2011

Оглавление

Ослепительное пространство судеб человеческих (Л.Танкова) ..	3
От автора.....	4
Часть первая	6
Часть вторая	25
Часть третья.....	44
Авторские примечания.....	64

 Рекламно-издательский сектор